

ЖОЗЕ МАРИЯ КЕЙРОШ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ОТЦА
АМАРО

Жозе Эса де Кейрош

Преступление отца Амаро

«Public Domain»

1875

Эса де Кейрош Ж. М.

Преступление отца Амаро / Ж. М. Эса де Кейрош — «Public Domain», 1875

«В первый день Пасхи в Лерии стало известно, что священник местного собора Жозе Мигейш внезапно скончался утром от удара. Это был полнокровный и сильно упитанный человек, прозванный приходским духовенством обжорою из обжор. Про его жадность к еде рассказывались самые невероятные истории...»

Содержание

I	5
II	9
III	13
IV	20
V	26
VI	32
VII	36
VIII	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Жозе Мария Эса де Кейрош

Преступление отца Амаро

I

В первый день Пасхи в Лерии стало известно, что священник местного собора Жозе Мигейш внезапно скончался утром от удара. Это был полнокровный и сильно упитанный человек, прозванный приходским духовенством *обжорою из обжор*. Про его жадность к еде рассказывались самые невероятные истории. Аптекарь Карлос, ненавидевший его, говорил обыкновенно, когда тот выходил из дому после обеда, наевшись до отвала, с красным от прилива крови лицом:

– Вон удав переваривает пищу. Скоро, наверно, лопнет.

Он и действительно лопнул в один прекрасный день, плотно поужинав рыбою. Никто не пожалел о нем, и похороны его привлекли очень мало народу. Вообще он не пользовался в приходе большим уважением, так как был крестьянином и сохранил грубые манеры и неряшливую внешность.

Дамы из его прихода не любили его. Он икал, исповедуя их, и, прослужив почти всю жизнь в деревенских приходах, не мог понять некоторых утонченных и сентиментальных привычек. Вследствие этого он лишился почти, всех своих исповедниц, которые перешли к отцу Гусмао, отличавшемуся: самым изысканным обращением.

Жозе Мигейш был мигелистом по убеждениям, и либеральные партии, их мнения и периодические издания приводили его всегда в бешенство:

– Драть надо этих негодяев, драть их! – бранился он, потрясая своим огромным красным зонтиком.

В последние годы он сделался домоседом и жил один, со старой прислугой и собакой. Единственным другом его был, настоятель Валладарес, управлявший в то время епископским приходом, по болезни епископа, удалившагося для поправления здоровья в свою виллу. Жозе Мигейш очень уважал настоятеля; это был сухой, близорукий человек с огромным носом, поклонник Овидия, любивший шуточки и ссылки на мифологию.

Настоятель называл своего друга *Братом Геркулесом*.

– Геркулесом за силу, а Братом за обжорство, – пояснял он.

На похоронах священника настоятель сам окропил святою водою могилу друга. И, бросая на гроб первую пригоршню земли, он сказал шопотом остальным священникам, намекая на свою привычку предлагать другу каждый день табаку из своей золотой табакерки:

– Это моя последняя щепотка ему.

Через несколько дней после похорон на площади города появилась собака, священника. Прислуга заболела и слегла в больницу. Дом заперли, а собака выла с голоду у всех дверей. Это был маленький, невероятно толстый пудель, отчасти напоминавший фигуру своего хозяина. Привыкши к рясам, он бросался к каждому встречному священнику и шел за ним с жалобным воем. Но никто не нуждался в несчастном животном; его били и прогоняли зонтиками. Бедная собака, гонимая, словно претендент на престол, выла целые ночи напролет. Однажды утром ее нашли мертвою около церкви и увезли на телеге для нечистот. Больше она уже не показывалась на площади, и священник Жозе Мигейш был окончательно забыт.

По прошествии двух месяцев в Лерии разнеслась весть, что в приход назначен другой священник. Говорили, что это очень молодой человек, только-что окончивший семинарию. Звали его Амаро Виера. Назначение его объяснялось протекцией, и местная оппозиционная газета «*Областной Голос*» поместила на своих страницах статью возмущенного тона о *фаво-*

ритизме при дворе и о клерикальной реакции. Некоторые священники пришли в ужас от этой статьи.

– Ну, что там разговаривать! – сказал на это настоятель. – Какая там протекция! Просто у человека хорошие крестные. Мне написал об этом назначении министр юстиции Брито Коррена, Он пишет, между прочим, что новый священник – красивый мужчина. Таким образом, – добавил он с довольной улыбкой, – на смену *Брату Геркулесу* явится, пожалуй, *Брат Аполлон*.

Во всей Лерии был только один человек, знавший нового священника. Это был каноник Диас, преподававший в прежние годы в семинарии, где Амаро Виера был его учеником по классу морали. В то время, по словам Диаса, Амаро был худым и застенчивым молодым человеком.

– Я как сейчас вижу его перед собою в потертой рясе и с таким лицом, точно у него глисты. Но в общем это славный малый и очень сметливый.

Каноник Диас пользовался в Лерии большою известностью. За последнее время он очень располнел, и живот его так торчал, что выпирал рясу. Головою с проседью, мешками под глазами и толстыми губами он напоминал сладострастных монахов-обжор из старых анекдотов.

Диас жил со старухою-сестрою, сеньорою доною Жозефою Диас, и прислугою, которую тоже все знали в Лерии. Каноник слыл богачем: в окрестностях Лерии у него были земли, сдававшиеся в аренду; на его званых обедах подавалась на жаркое индейка, и вино его 1815 года пользовалось заслуженною славой. Но самым выдающимся явлением в его жизни (явлением, вызывавшим немало толков и сплетен) была его давнишняя дружба с сеньорою Августою Каминья, которую называли обыкновенно сеньорою Жоаннера, так как она была родом из Сан-Жоана-да-Фос. Сеньора Жоаннера жила на улице Милосердия и сдавала комнаты. У неё была дочь Амелия, двадцати трех лет, хорошенькая, здоровая девушка, пользовавшаяся большим успехом у молодежи.

Каноник Диас был очень доволен назначением Амаро Виера в Лерию. Всюду – в аптеке, на улице, в ризнице собора – он расхваливал его за успехи в семинарии, за скромность и послушание. Даже голос у молодого священника был, по словам Диаса, «одна прелесть».

Наконец, однажды он с удовольствием показал прислужнику собора, подобострастному и молчаливому, человеку, письмо, полученное им от Амаро Виера.

Это было в августе. Они гуляли вечером вместе у Нового моста. Отсюда открывался широкий и красивый вид. Вверх по реке тянулись низкие холмы, покрытые темно-зелеными сосновыми рощами. У подножья их были разбросаны белые, приветливые домики, оживлявшие пейзаж. По направлению к морю, куда река несла свои воды среди двух рядов бледных ив, расстилались широкие плодородные, залитые солнцем поля. Города почти не было видно с моста. Только один угол мрачного здания иезуитского собора и часть кладбищенской стены с темными, остроконечными кипарисами открывались из за крутой горы, поросшей густою растительностью, среди которой виднелись развалины старого замка.

От моста тянулся вдоль реки Старый Бульвар. Это было тихое, тенистое место. Диас и прислужник медленно прогуливались здесь, и каноник спрашивал у прислужника совета относительно письма Амаро Виера. Дело в том, что ему пришла в голову блестящая мысль. Амаро просил его в письме приискать для него помещение в центре города, недорогое и по возможности с мебелью; а главное, чтобы хозяева были почтенные люди. «Вы, наверно, понимаете, дорогой отец-наставник – писал Амаро, – что именно мне нужно. Мне не надо роскоши; спальни и маленькой приемной вполне достаточно. Хозяева должны быть тихие, приличные люди, чтобы не было скандалов и непомерных претензий. Я вполне полагаюсь на вашу опытность и буду глубоко признателен за все ваши хлопоты и труды».

– И вот, друг мой Мендес, план мой таков: поселить его на квартире у сеньоры Жоаннеры, – закончил каноник с самодовольным видом. – Блестящая идея, неправда-ли?

– Поистине блестящая! – согласился прислужник подобострастным тоном.

– У неё свободна комната внизу, смежная с нею гостиная и еще одна комнатка, которая может служить кабинетом. Мебель прекрасная, постельное белье тоже... И дело это для сеньоры Жоаннеры выгодное. За комнаты, белье, стол и прислугу она смело может спросить шестьсот рейс¹ в день. Кроме того, приятно, что в доме будет священник.

– Видите-ли, я не знаю, хорошо-ли это будет из-за Амелии, – робко заметил прислужник. – Пойдут, пожалуй, сплетни. Девушка, ведь, молодая. Новый священник, говорят, тоже молод...

Диас остановился.

– Все это ерунда! А разве отец Иоаким не живет под одною крышею с крестницею матери? А у священника Педрозо не живут разве невестка и её сестра, девятнадцатилетняя девушка? Я не вижу в этом никакой беды. Сеньора Жоаннера сдает комнаты, как всякая квартирная хозяйка. Ведь жил же у неё один чиновник несколько месяцев.

– Да, но это не священник, – возразил Мендес.

– Тем более, тем более! – воскликнул каноник. И, остановившись, он добавил конфиденциальным тоном: – Кроме того, это дело было-бы очень удобно для меня. Мне это выгодно, друг мой.

Наступило краткое молчание. Прислужник сказал, понизив голос:

– Конечно, вы делаете много добра сеньоре Жоаннере...

– Я делаю, что могу, дорогой мой, – возразил каноник и, помолчав немного, продолжал нежным, добродушно-веселым тоном: – Она стоит этого, вполне стоит. Это воплощенная доброта. Если я не явлюсь к ней утром ровно в девять часов, она уже мне себя от беспокойства. А когда я был болен в прошлом году, она даже похудела от горя. И как она внимательна ко мне! Когда у неё режут свинью, то лучшие куски идут мне – *святому отцу*, как она меня называет.

И глаза его засверкали глупым довольством.

– Притом это очень красивая женщина, – сказал Мендес.

– Еще-бы! – воскликнул каноник, снова останавливаясь. – И как хорошо она сохранилась. Ведь она – не девочка, а на голове ни одного седого волоса. А кожа, какая! – И, понизив голос, он прошептал со сладострастной улыбкою, указывая на верхнюю часть груди и медленно проводя рукою по этому месту. – Это одно очарование! Притом она опрятна необычайно и так внимательна ко мне! Дня не проходит без того, чтобы она не прислала мне какого-нибудь подарочка – то вазочку желе, то тарелочку сладкого риса. Вчера она прислала мне яблочный торт, да такой вкусный, что даже сестра Жозефа сказала: «Яблоки тают во рту, точно они сварены в святой воде». Такое внимание трогает до глубины души, Мендес.

Прислужник слушал, угрюмо насупившись от зависти.

– Я прекрасно знаю, – сказал каноник, растягивая слова: – что здесь ходят про меня разные сплетни. Но это все клевета. Верно только то, что я очень привязан к этой семье. Но это началось еще при жизни мужа сеньоры Жоаннеры. Она честная женщина, вполне честная.

– Известное дело, злые языки никого не пожалеют, падре – заметил прислужник плаксивым голосом и, помолчав немного, добавил: – А в общем вам должно-быть дорого обходиться эта дружба.

– И как еще! Подумайте только, с отъезда чиновника комнаты стояли пустые, и мне приходилось давать ей на хозяйство.

– Но ведь у неё, кажется, есть именице, – заметил Мендес.

– Ну, это крошечный клочок земли, мой дорогой. Да и повинности и налоги очень велики. Потому-то я и говорю, что Амаро Виера – золотое дно. Получая с него по шестьсот рейс в день, да при моей помощи и маленьком доходе с имения от продажи овощей, она будет сводить концы с концами. Мне будет много легче тогда.

¹ 600 рейс – около 1 рубля 20 коп. *Прим. пер.*

– Конечно, легче, конечно, падре, – согласился прислужник.

Они замолчали. Вечер был тихий и ясный, воздух неподвижен. На сильно обмелевшей реке блестел сухой песок; вода, сладко журча, медленно текла по мелким камням. На холмы спускался полумрак, – а красные и оранжевые облака над морем сплетались в причудливую декорацию.

– Какой славный вечер! – сказал Мендес.

Когда через несколько минут они поднимались по лестнице собора, каноник остановился и обратился к спутнику:

– Итак решено, друг Мендес, я поселю Амаро на квартире у сеньоры Жоанны. Это выгодно для всех.

– Очень выгодно, – почтительно согласился прислужник. – Безусловно очень выгодно.

И они вошли в собор, творя крестное знамение.

II

Через неделю разнеслась весть о том, что новый священник приезжает вечером с почтовым дилижансом. С шести часов каноник Диас и прислужник гуляли уже по площади Фонтана в ожидании Амаро.

Это было в конце августа. На длинном бульваре вдоль реки между двумя рядами старых тополей гуляли дамы в светлых платьях. С другой стороны, в бедном квартале, старухи сидели с пряжей у дверей, грязные дети играли и валялись на земле, обнажая при этом огромные животы, куры жадно рылись в уличных отбросах.

Было уже темно, когда дилижанс с зажженными фонарями съехал с моста и остановился у фонтана около гостиницы Креста. Путешественник в высокой шляпе и длинном священническом плаще, сидевший рядом с кучером, осторожно спустился со своего места, придерживаясь за железные перила, и огляделся по сторонам.

– Эй, Амаро! – окликнул его каноник, подходя ближе. – Здравствуйте, плутяга.

– Ах, отец-наставник! – ответил приезжий весело. И они обнялись в то время, как прислужник стоял в стороне, почтительно наклонившись, со шляпою в руке.

Было уже почти девять часов, совсем темно. В домах на площади все уже спало. В лавках под аркадами виднелся печальный свет керосиновых ламп, тускло освещавших сонные фигуры разговаривавших у прилавка людей. Выходившие на площадь извилистые мрачные улицы с мерцавшими кое-где фонарями казались необитаемыми.

Каноник Диас объяснял приезжему, как он устроил его. Квартиры он не нанимал: пришлось бы покупать мебель, брать прислугу и тратить много лишнего. Он предпочел занять для него комнаты в приличном комфортабельном доме; этим требованиям отвечают как нельзя более комнаты у сеньоры Жоаннеры. Они хорошо меблированы и очень чисты, из кухни не пахнет. Сеньора Жоаннера славная, богобоязненная женщина, очень экономная и предупредительная...

– А как насчет главного, отец-наставник? – Какая цена? – перебил его Амаро Виера.

– Шестьсот рейс в день. Это очень дешево. У вас будет спальня, гостиная...

– Великолепная гостиная, – почтительно вставил Мендес.

– А это далеко от собора? – спросил Амаро.

– В двух шагах. Можно ходить служить обедню в мягких туфлях. В доме есть молодая девушка, дочка сеньоры Жоаннеры, двадцати трех лет. Хорошенькая, немного капризная, но с хорошею душою... А вот и ваша улица.

Это была узкая улица с низкими, жалкими домами и тусклым фонарем в конце.

– А тут и ваш дворец! – оказал каноник, стучась в узкую дверь.

Из вестибюля шла вверх лестница со старинными чугунными перилами. Внизу и на площадке лестницы цвели кусты розмарина в деревянных кадках.

Сеньора Жоаннера ждала гостей наверху. Бледная, худая прислуга с веснушчатым лицом держала в руках керосиновую лампу, и фигура сеньоры Жоаннеры ясно выделялась на фоне выбеленной стены. Это была полная, грузная, высокого роста, женщина с очень белой кожей. Вокруг черных глаз виднелись уже морщинки. Выющиеся волосы с красным бантом поредели над висками и у пробора, но руки и шея были красиво округлы, и платье очень опрятно.

– Вот ваш новый жилец, сеньора, – сказал Диас, поднимаясь по лестнице.

– Спасибо за честь, падре, большое спасибо. Вы, верно, очень устали с дороги. Сюда, пожалуйста. Осторожно, тут ступенечка вниз.

Она провела его в маленькую комнату с желтыми обоями. У стены стоял широкий, мягкий диван, а с другой стороны письменный стол с зеленым сукном.

– Это ваша гостиная, падре, – сказала сеньора Жоаннера. – Тут вы можете принимать гостей. А здесь, – продолжала она, открывая дверь в соседнюю комнату, – ваша спальня. Вот комод, шкаф для платья. – Она выдвинула несколько ящичков, похвалила постель, хлопнув рукою по упругим матрацам. – Здесь звонок. Требуйте прислугу всегда, когда вам угодно... Пожалуйста, вот ключики от комода... Может быть, желаете еще подушку? Одеяло только одно, но если вам угодно...

– Благодарю вас, не беспокойтесь, все прекрасно, сеньора, – ответил священник мягким, тихим голосом.

– Вы только скажите. Все, что можно, будет сейчас же исполнено.

– Ах, сударыня, – перебил ее Диас добродушным тоном. – Разве вы не понимаете, что ему прежде всего хочется поужинать теперь?

– Слушаюсь... ужин готов.

И она вышла поторопить прислугу.

Каноник тяжело опустился на диван и понюхал щепотку табаку.

– Славные комнаты, голубчик. Лучше и не найти.

– Мне всюду хорошо, отец-наставник, – сказал Амаро, надевая мягкия туфли. – В семинарии было много хуже. А в Ферао во время дождя у меня текло на постель.

Со стороны площади слышались звуки рожка. Амаро открыл окно. Ночь стояла темная. В городе было зловеще-тихо, точно под каменным сводом. Вдали у казарм били в барабан, со стен церкви Милосердия непрерывно слышался резкий крик филинов.

– Как это все печально, – сказал Амаро.

Но сеньора Жоаннера крикнула сверху, зовя их.

– Пожалуйста ужинать. Суп на столе.

– Пойдемте, пойдемте, вы, верно, на ногах еле держитесь от голода, Амаро, – сказал каноник, с трудом поднимаясь с дивана.

И, придерживая Амаро за рукав рясы, он добавил:

– Вы увидите сейчас сами, какой чудный куриный бульон готовить эта дама. Хоть пальчики облизывай.

Посреди столовой, оклеенной темными обоями, стоял накрытый белой скатертью стол, с красивою посудой и стаканами, сверкавшими при ярком свете лампы под зеленым абажуром. От миски приятно пахло куриным бульоном, а на блюде дымились жирная курица с белым, сочным рисом и репою. В стеклянном шкафу виднелся светлый фарфор. У окна стоял рояль, покрытый атласною выцветшею салфеткою. На кухне что-то жарили, и, почувствовав приятный запах, Амаро с наслаждением потер руки.

– Сюда, сюда пожалуйста. Там сквозит, – сказала сеньора Жоаннера, закрыв ставни у окон. – А вы, падре, не откушаете ли с нами, за компанию, – обратилась она к Диасу.

– Да уж разве за компанию, – весело ответил он и, сев за стол, развернул салфетку.

Сеньора Жоаннера поглядывала все время на приезжого. Он сидел с опущенною головою и молча ел, дуя на ложку. Волосы у него были черные, слегка выющиеся, лицо смуглое, овальное, глаза большие, черные, с длинными ресницами.

Диас, не видевший его после семинарии, находил его возмужавшим и окрепшим.

– Какой вы были худенький тогда...

– Меня поправил горный воздух. – И он принялся рассказывать о своей печальной жизни в первом приходе, в маленьком горном местечке, где приходилось жить в зимнюю, суровую пору одному среди пастухов. Каноник наливал ему вино, высоко подняв бутылку, чтобы вино пенилось в стакане.

– Пейте, голубчик, пейте. Такого винца вы, небось, не пивали в семинарии.

Сеньора Жоаннера поставила на стол блюдо с печеными яблоками.

– Экая прелесть! Печеные яблоки! Этому блюду мы окажем должную честь. Наша сеньора Жоаннера – чудная хозяйка, мой друг, идеальная хозяйка.

Сеньора Жоаннера смеялась, обнажая крупные, plombированные зубы. Она принесла графинчик с портвейном, положила с жеманным благоговением Диасу на тарелку мягкое яблоко, посыпанное мелким сахаром, и сказала, похлопывая его по плечу полной, рыхлой рукою:

– Это у нас святой, падре, поистине святой человек. Я многим обязана ему.

– Ну, ну, что об этом говорить, – возразил Диас, и на лице его появилось выражение глупого самодовольства. – Чудное вино! – добавил он, с наслаждением потягивая портвейн.

– Оно прекрасно вылежалось. Ведь оно от того года, когда Амелия родилась.

– А где она сегодня?

– Она поехала с доною Мариєю в усадьбу, а оттуда к знакомым.

– Да, ведь вы знаете, эта дама – помещица. У неё настоящее графское имение... – пояснил каноник, лаская блестящим взглядом полную фигуру сеньоры Жоаннеры.

– Ну, полно, падре, какое-же это имение! Маленький клочок земли, больше ничего, – остановила она его, но, услышав мучительный кашель прислуги, которая стояла, прислонившись к стене, обратилась к ней недовольным тоном:

– Ну, ну, ступай кашлять на кухню. Здесь не место, Руса.

Девушка вышла, закрыв рот передником.

– Она, по-видимому, больна, бедная, – заметил Амаро.

– Да, она очень плоха. Это моя крестница, сирота... Я взяла ее к себе из жалости, а также потому, что моя прежняя прислуга слегла в больницу: эта бесстыжая баба связалась с солдатом.

Отец Амаро конфузливо потупил глаза и спросил, много-ли больных в городе в это лето.

– Много желудочных заболеваний от сырых фруктов, – проворчал в ответ Диас. – Наедаются арбузов и запивают их кружками воды. Ходит здесь и лихорадка.

Они заговорили, о местной лихорадке и о климатических условиях в Лерии.

– Я теперь значительно окреп сравнительно с прежним, – оказал отец Амаро. – Благодаря Господу нашему Иисусу Христу я чувствую себя вполне хорошо.

– И да сохранит вам Господь здоровье! Люди редко ценят это счастье, – заметила сеньора Жоаннера и принялась рассказывать о том, что у неё в доме живет шестидесятилетняя, разбитая параличем сестра, наполовину потерявшая рассудок. Зимой она простудилась и с тех пор, не переставая, худела и слабела.

Сеньора Жоаннера говорила спокойно, скатывая пальцами шарики из хлеба. У Диаса смыкались глаза. Все в столовой засыпало, казалось. Лампа гасла понемногу.

– Однако, пора спать, – сказал вдруг каноник, встрепенувшись. – Поздно уже.

Отец Амаро встал и прочитал с опущенными глазами послеобеденную молитву.

– Не угодно-ли захватить с собою лампу, падре? – спросила сеньора Жоаннера предупредительным тоном.

– Нет, благодарю вас; мне не нужно. Покойной ночи.

И он медленно ушел, ковыряя в зубах зубочисткою.

Сеньора Жоаннера вышла на площадку лестницы посветит ему. Но священник остановился на первой ступеньке и спросил, обернувшись:

– Завтра ведь пятница – постный день... Неправда-ли, сеньора?

– Нет, нет, – перебил его каноник: – завтра вы обедаете у меня. Я зайду за вами утром, и мы отправимся вместе к настоятелю, в собор и повсюду.

Сеньора Жоанпера поспешила успокоить священника.

– Вы не беспокойтесь о постных днях, падре. Я соблюдаю посты очень аккуратно.

– Я потому сказал, – объяснил Амаро, – что в наши времена никто не хочет соблюдать постов...

– Вы правы, падре, – согласилась она. – Но я не из таких. Я забочусь прежде всего о спасении своей души.

Раздался громкий звонок.

– Это, верно, Амелия, – сказала сеньора Жоаннера.

– Ступай, открой дверь, Руса.

Внизу хлопнули дверью, затем послышался говор и тихий смех.

Чей-то голос сказал до свиданья, и Амелия взбежала по лестнице, слегка подобрав спереди юбку. Это была красивая, здоровая, хорошо сложенная девушка высокого роста. На голову её был накинут белый шарф, а в руках она держала ветку розмарина.

– Иди, иди, дочка. Вот новый падре, он приехал сегодня вечером.

Амелия остановилась в некотором смущении, глядя наверх, где стоял Амаро, прислонившись к перилам. Она тяжело дышала и покраснелась, поднимаясь бегом по лестнице. Её живые, черные глаза ярко блестели, и от всего её существа пахло свежестью полей.

Амаро сошел вниз, прижимаясь к перилам, чтобы пропустить девушку, и пробормотав невнятное приветствие. Каноник, тяжело выступавший сзади него, остановился посреди лестницы и преградил Амелии путь.

– Вы что гуляете до такого позднего часу, плутовка?

Она засмеялась и проскользнула мимо него наверх в то время, как он выходил, отгоняя прислугу от двери.

– Ладно, ладно, уходи, голубушка, разболеешься. Значит, завтра в восемь утра, Амаро. Будьте готовы к этому времени.

Амаро запер за собою дверь спальни. Постель была открыта, и от чистого белья приятно пахло стиранным полотном. Над изголовьем висел старинный образ Христа на кресте. Амаро открыл молитвенник, опустился на колени у кровати и перекрестился. Но он чувствовал себя таким усталым, что скоро начал зевать. И среди обычных молитв, которые он читал машинально, ему были слышны наверху над его спальнею шаги Амелии и шуршанье крахмальных юбок, которые она встряхивала, раздеваясь.

III

Амаро Виера родился в Лиссабоне в доме маркизы д'Алегрос. Отец его был лакеем маркиза, мать горничною и доверенным лицом при маркизе. У Амаро сохранился дагерротип матери. Это была здоровая женщина с густыми бровями, толстыми, чувственными губами и прекрасным цветом лица. Отец Амаро умер от удара, а мать, отличавшаяся всю жизнь завидным здоровьем, умерла через год от горловой чахотки. Амаро исполнилось тогда шесть лет. У него была сестра, жившая с раннего детства у бабушки в Коимбре, и дядя, зажиточный торговец в квартале Эстрелла. Но маркиза привязалась к Амаро, оставила его у себя в доме после смерти родителей и занялась его воспитанием.

Маркиза д'Алегрос овдовела в сорок три года и стала жить большую часть года в своем имении. Это была добрая и ленивая женщина, благоговевшая перед духовными лицами и вечно занятая церковными делами; при её доме даже была устроена часовня. Обе дочери её, воспитанные в страхе Божиим и в поклонении последним модам, были ханжами и говорили с одинаковым жаром о христианском смирении и о последних модных журналах. Один журналист того времени оказал про них: – Они думают каждый день о туалетах, в которых явятся в рай.

Маркиза предназначила Амаро к духовной карьере. Его худенькая, бледная фигурка вполне соответствовала этому назначению. Он любил атмосферу церквей и часовен и лучшим удовольствием было для него сидеть среди женщин, прижавшись, к теплым юбкам, и слушать их рассказы о святых. Маркиза не пожелала отдать его в школу, опасаясь влияния скверных товарищей и духа неверия. Домашний капеллан преподавал ему латынь, а старшая дочь маркизы, донна-Луиза давала ему уроки французского языка и географии.

Амаро был очень тихим ребенком; он никогда не играл и не бегал, был очень труслив и даже спал при свете лампы рядом со старою прислугою. Женская прислуга маркизы очень портила его; его находили хорошеньким мальчиком, целовали, щекотали постоянно, и он привык вертеться среди юбок, близко соприкасаясь с женскими телами, что доставляло ему большое удовольствие. Иной раз, когда маркизы не было дома, горничные наряжали его в женское платье, забавляясь вместе, с ним. Амаро позволял им делать с собою все, что угодно. Глаза его затуманивались, на щеках появлялся нехороший румянец. Прислуга посвящала его, кроме того, во все свои сплетни и интриги. Амаро поневоле сделался лгуном и сплетником, рылся в чужих вещах, вертелся среди грязных юбок и фальшивых волос. Он был невероятно ленив и утром подолгу валялся в постели, плотно закутавшись в одеяло и обняв подушку.

Однажды в воскресенье, вернувшись утром с обедни, маркиза упала на террасе и скоропостижно скончалась. В завещании она распорядилась отдать Амаро в пятнадцать лет в семинарию, чтобы он сделался священником. Обязанности исполнить это распоряжение возлагалась на отца Лизета. Амаро было в то время тринадцать лет.

Дочери маркизы переселились по смерти матери к тетке, а Амаро отправили к его дяде-торговцу. Это был толстяк, женатый на дочери бедного чиновника, которая вышла за него, чтобы уйти из родительского дома, где ей приходилось жить в бедности. Она ненавидела мужа, его ласку, его волосатые руки и бедный квартал, где они жили. Муж, наоборот, обожал ее, осыпал дорогими подарками и называл *своею герцогинею*.

Амаро не встретил в доме дяди ласкового женского элемента, окружавшего его у маркизы. Тетка почти не обращала на него внимания. Она сидела целыми днями у окна, напудренная и разодетая в шелк, читая романы или театральную хронику и ожидая, когда пройдет под окном её ухаживатель. Дядя воспользовался мальчиком и поставил его за прилавок, заставляя вставать в пять часов утра. Оба ненавидели племянника, жалея каждый кусок хлеба, который он съедал у них. Амаро худел и плакал целые ночи напролет. Он знал, что должен поступить пятнадцати лет в семинарию, и ждал этого времени, как освобождения от тяжелого ига.

Никто никогда не спрашивал его о вкусах и наклонностях. Ему навязывали священническую рясу, и пассивная натура мальчика покорно принимала ее. Правда, он ничего не имел против того, чтобы сделаться священником. Он видел много отцов церкви в доме маркизы. Это были все изящные, холеные господа, обедавшие за одним столом с гидадьгами и нюхавшие табак из золотых табакерок. Ему нравилась профессия, благодаря которой он мог жить среди женщин, шептаться с ними, чувствовать близко приятную теплоту их тела и получать подношения на серебряных подносах.

За год до поступления в семинарию дядя стал посылать его к учителю для усовершенствования в латинском языке и освободил от прилавка. В первый раз в жизни Амаро почувствовал себя свободным. Он ходил к учителю один, гулял по улицам, видел город, смотрел на ученье солдат, заглядывал в двери кофейен, читал афиши. Особенно привлекали его внимание женщины. Он стал мечтателен, и по ночам ему часто чудились во мраке женские фигуры или отдельные части их тела: то ножка в лакированной ботинке и белом чулке, то округлая рука в коротком рукаве. В это время перспектива быть священником перестала привлекать его, *потому что он не мог жениться*. Товарищи, занимавшиеся с ним вместе у учителя, успели оказать на него дурное влияние. Он стал курить потихоньку, похудел и пожелтел.

Когда он поступил в семинарию, длинные, сыроватые коридоры, тусклое освещение, черные рясы и благоговейная тишина произвели на него сперва подавляющее впечатление. Но он скоро подружился с некоторыми товарищами. Они перешли с ним на ты и допустили в свой кружок, где рассказывались анекдоты о преподавателях, взводилась всевозможная клевета на ректора, и высказывались жалобы на затворнический образ жизни в семинарии. Почти все семинаристы скучали по своей прежней вольной жизни. Двор для рекреаций с жалкими деревьями и высокими, скучными стенами казался им слишком тесным; они задыхались в узких коридорах и в зале Святого Игнатия, где они учили вечером уроки. Все скучали по дому и завидовали свободным людям, как-бы бедны и несчастны те ни были. Амаро не оставил дома никого и ничего близкого. Дядя был грубый человек, тетка сидела целый день недовольная и напудренная. Но невольно и он стал скучать по воскресным прогулкам и по ярко освещенным улицам.

Однако его пассивная натура покорила понемногу, и он втянулся в семинарский распорядок, как послушная овца. Он старательно готовил уроки, аккуратно исполнял все духовные обязанности и достиг хороших отметок.

Ему было совершенно непонятно, как может нравиться семинарская жизнь. Некоторые из его товарищей блаженствовали, шепча с опущенною головою тексты из Священного Писания, и бледнели в экстазе, молясь в часовне. Он не понимал также тщеславных товарищей, которые жаждали получить аристократический приход или мечтали о профессиях вне церкви. Амаро не мечтал ни о какой карьере.

– Я, право, не знаю, – отвечал он на вопросы о его будущем.

Разговоры некоторых товарищей, считавших семинарию тюрьмою, сильно волновали его иногда. Эти мальчики рвались на волю и порывались даже бежать, строя планы бегства и измеряя высоту окон. Их привлекали трактиры, бильярд, женщины. Эти разговоры волновали Амаро и действовали на его воображение. Он ворочался по ночам на жесткой постели, и его сны и мечты были проникнуты горячим желанием женщины. Ему казалось иногда, что во мраке кельи сверкают глаза Искушителя. Он кропил свою постель святою водою, но не решался признаться в этих искушениях на исповеди.

И вокруг себя он чувствовал подобные же случаи возмущения природы. Усиленные занятия, посты и покаяния могли обуздать тело и привить ему машинальные привычки, но под спокойною внешностью тихо волновались страсти, как змей в гнезде. Больше всех страдали от воздержания сангвиники; когда они оставались одни, темперамент прорывался наружу: они боролись, делали гимнастику, устраивали беспорядок. У слабых и болезненных учеников семи-

нарская атмосфера вызывала беспредельную печаль и молчаливость. У них развивались мелкие пороки: страсть к картам, к чтению романов, к курению. Это были прелести греха.

При всем этом Амаро был набожен, горячо молился, безгранично верил в некоторых святых, очень боялся Бога. Но он ненавидел затворнический режим семинарии. Ему казалось, что на воле, вне семинарских стен, он был бы добрым, чистым, глубоко верующим. Он худел и даже заболел в последний год пребывания в семинарии нервной горячкой.

В посту Св. Матфея Амаро принял, наконец, священнический сан. Вскоре после этого он получил, еще в семинарии, следующее письмо от отца Лизета:

«Дорогой мой сын и молодой коллега! Теперь, когда вы приняли священный сан, я считаю своим долгом дать вам отчет в оставленном вам наследстве, так как желаю исполнить до конца возложенную на меня нашею драгоценною маркизою обязанность. Сообщаю вам поэтому, дорогой мой сын, что сумма, оставленная вам маркизою, истрачена вся до последнего, гроша. Я пользуюсь также настоящим случаем, чтобы сообщить вам кое-что о ваших родных. Тетка ваша, по смерти дяди, продала его торговое дело и пошла по такому постыдному пути, о котором скромность не позволяет мне распространяться. В настоящее время она живет тем, что сдает меблированные комнаты. Сестра ваша, как вы, вероятно, уже знаете, вышла замуж за богатого человека и живет в Коимбре. Хотя в браке следует ценить выше всего не богатство, а другие блага, я считаю, однако, важным для будущего, чтобы вы, мой дорогой сын, – знали об этом обстоятельстве. Продолжайте идти по пути добродетели и верьте, что наша святая профессия дает истинное счастье, когда мы понимаем, какой бальзам вливает в душу служение Богу. Затем прощайте, мой дорогой сын и молодой коллега. – Лизет.

Р. S. Фамилия мужа вашей сестры – Тритозо».

Через два месяца по получении этого письма Амаро получил приход в местечке Ферао, в горах, и пробыл там от октября до весны. Это был маленький поселок, где жили одни пастухи. Амаро провел зиму в безделье, зевая у камина и прислушиваясь в завыванию ветра. Весною он написал сестре, жалуясь на бедность; та прислала ему двенадцать золотых на поездку в Лиссабон для хлопот о переводе в другой приход. Амаро немедленно отправился в путь. Свежий горный воздух благотворно подействовал на его здоровье; он окреп, загорел и стал держаться прямее.

По приезде в Лиссабон он разыскал тетку. Она сильно постарела и стала ханжой (хотя продолжала пудриться), и потому приняла Амаро с радостным благоговением.

– Как ты похорошел! Господи, как ты изменился.

Амаро отправился на следующий день к отцу Лизету, но тот находился в отъезде. Тогда Амаро вспомнил про младшую дочь маркизы дону Жоанну, вышедшую замуж за графа де-Рибамар, влиятельного человека, который занимал уже два раза пост министра внутренних дел и много работал на пользу отечества.

Амаро подал прошение о переводе в другой приход и пошел к графине де-Рибамар. Когда он явился, у подъезда, ее ждала карета.

– Её сиятельство уезжают сейчас, – сказал ему лакей в белом галстуке, ожидавший выхода своей госпожи.

В это время двери распахнулись, и на улицу вышла дама в светлом туалете. Это была высокая, худая блондинка с большим носом и в золотых очках.

– Вы не узнаете меня, графиня? – спросил Амаро, почтительно кланяясь и держа в руке шляпу. Я – Амаро.

– Амаро? – повторила она, словно припоминая, кто это. – Ах, Господи, это вы! Я не узнала... Вы теперь взрослый. И как переменялись! Вы живете в Лиссабоне?

Амаро рассказал о своей жизни в Ферао и о бедности в приходе.

– Я приехал хлопотать о переводе, графиня.

Она слушала его, опираясь на светлый, шелковый зонтик. Амаро чувствовал, что от неё пахнет рисовой пудрой и чистым батистом.

– О, не беспокойтесь об этом. Мой муж замолвит за вас слово. Я берусь устроить это. Зайдите ко мне на этих же днях. Постойте-ка, когда я буду дома?.. Завтра я еду в Синтру. В воскресенье мне неудобно... Лучше всего, если вы придете утром ровно через две недели.

Она подала ему руку в шведской перчатке, побрякивая золотыми браслетами, и села в карету.

Амаро стал ждать. Время было летнее, жаркое. Утром он служил обедню в церкви Св. Домингоса, а днем лениво бродил по комнатам или валялся в халате и мягких туфлях. По вечерам он ходил иногда прогуляться, но было очень душно, и тяжело дышалось. Амаро рано возвращался домой, заваливался на кровать и курил, мечтая о приятных перспективах. В ушах его постоянно звучали слова графини: «Не беспокойтесь, мой муж замолвит, за вас слово». Он уже видел себя священником в хорошем городе, в доме с огородом; богатые дамы подносили ему сласти, и он играл видную роль в городе.

Настроение Амаро было очень хорошее и спокойное в это время. Возбуждение, вызванное строгим воздержанием в семинарии, улеглось, благодаря связи с толстою, здоровенною пастушкой, которая заменяла в Ферао звонаря. Теперь он был спокоен и уравновешен, аккуратно исполнял духовные обязанности и мечтал о выгодном приходе.

Через две недели он снова явился к графине и поднялся наверх по красному ковру. На площадке лестницы сидел на скамейке, обитой красным сукном, лакей и спал, прислонившись, к стене. Амаро простоял минуту в колебании и уже собирался уходить, – когда услышал за перегородкою громкий мужской смех. Он смахнул носовым платком пыль с сапог, оправил манжеты и вошел, весь красный от волнения, в большую залу с желтыми драпировками. Посреди комнаты стояли, разговаривая, трое мужчин. Амаро приблизился к ним, бормоча извинения.

Высокий человек с седоватыми усами и в золотых очках обернулся в изумлении. Это был граф де-Рибамар.

– Я – Амаро, – сказал священник.

– Ах, отец Амаро! – ответил граф. – Как же, я знаю! Жена рассказывала мне о вас.

И он обратился к полному, почти лысому господину в белых брюках.

– Это тот священник, о котором я говорил вам. Это министр, – пояснил он, обернувшись к Амаро.

Амаро подобострастно поклонился.

– Отец Амаро, – сказал граф де-Рибамар: – воспитывался с детства в доме моей жены. Мать её, очень набожная женщина, сделала из него священника. Где вы служили, падре?

– В Ферао, ваше сиятельство.

– Где это, Ферао? – спросил министр.

– В Гральерских горах, – сообщил поспешно стоявший рядом господин в синем сюртуке, с прекрасными густочерными бакенбардами и блестящими, напомаженными волосами, разделенными безукоризненным пробором.

– Там ужасная жизнь, – заявил граф. – Приход бедный, развлечений никаких, климат отвратительный...

– Я уже подал прошение о переводе в другой приход, ваше сиятельство, – робко заметил Амаро.

– Хорошо, хорошо, – сказал министр. – Это можно будет устроить.

– Оно будет вполне справедливо. Более того, это необходимо. Молодые и деятельные люди очень нужны в трудных приходах, в городах. Это ясно.

– Вы правы, – сказал министр, – но подобные назначения в хорошие приходы должны служить наградой за соответственные услуги.

– Конечно, – возразил граф, – но эти услуги должны носить профессиональный характер, т. е. оказываться церкви, а не правительству.

Господин с черными бакенбардами сделал жест протеста.

– Вы не согласны с этим? – обратился к нему граф.

– Я глубоко уважаю ваше мнение, граф, но позвольте мне высказать и свое. Священники в городах оказывают большое влияние на выборы в парламент. Они очень полезны нам. Почему, например, потерпели мы поражение в Томаре? Из-за враждебного отношения к нам духовенства; это было единственной причиной.

– Но это неправильно, – перебил его граф, – священники не должны оказывать давления на выборы.

– Извините... – попробовал было перебить его собеседник.

Но граф остановил его решительным жестом.

– Духовные лица, – сказал он тоном, проникнутым глубоким сознанием собственного достоинства, – могут и даже обязаны помогать правительству, действуя, так сказать, в виде тормоза, но отнюдь не должны впутываться в интриги... Извините, мой друг, но, по моему, это недостойно христиан.

– Но я – истинный христианин, ваше сиятельство! – воскликнул господин с черными бакенбардами. – Я – также либерал, но считаю, что при выборном правительстве необходимо... одним словом, при более солидных гарантиях...

– Послушайте, – перебил его граф, – неужели же вы не понимаете, что это дискредитирует духовенство и правительство?...

Отец Амаро молча слушал спор.

– Моя жена, наверно, желает видеть вас, – обратился к нему граф и приподнял ближайшую драпировку. – Войдите пожалуйста. Это отец Амаро, Жоанна.

Священник вошел в гостиную с белыми обоями и мебелью, обитою светлым кашемиром. Приятный полусвет придавал всей обстановке нежный оттенок прозрачности. Амаро увидел в углу дивана светлые, завитые волосы и золотые очки графини. Какой-то полный молодой человек сидел перед ней на низком кресле, опираясь локтями о широко расставленные колени и раскачивая черепаховое пенсне, словно маятник. Графиня держала на коленях собаченку и гладила ее своею худою, красивою рукою по белой, как ватга, шерсти.

– Как вы поживаете, сеньор Амаро? – Собаченка заворчала. – Тише, Брильянт... Знаете, я уже говорила о вас. Министр как раз здесь.

– Я знаю, сеньора, – ответил Амаро стоя.

– Садитесь, пожалуйста, падре.

Амаро присел на край кресла и заметил только тогда, что в гостиной была еще одна дама, которая стояла у рояля и разговаривала с молодым блондином.

– Что вы подельвали, эти дни, сеньор Амаро? – Опросила графиня. – И скажите пожалуйста, где ваша сестра?

– Она замужем и живет в Коимбре.

– Ах, вот как! – сказала графиня, вертя кольца на руках.

Наступило молчание. Амаро сидел с опущенными глазами и смущенно проводил пальцами по губам.

– Отца Лизета нет сейчас в Лиссабоне? – спросил он.

– Он во Франции. У него сестра очень плоха. Он все такой же, как раньше, очень любезен и приветлив.

– Он уже очень стар, кажется? – спросил Амаро.

– Да, конечно, но он прекрасно сохранился.

И, обращаясь к стоявшей у рояля даме, графиня спросила:

– Неправда-ли, Тереза?

Амаро взглянул тогда на эту даму, и она показалась ему не то богинею, не то королевою. Контуры её плеч и груди были великолепны, черные, слегка волнистые волосы красиво обрамляли белое лицо с властным профилем, как у Марии-Антуанетты. Шея и руки были покрыты черным газом, под которым виднелась белая кожа. Она говорила тихим голосом на непонятном для Амаро языке, и красивый блондин слушал ее, покручивая холеные усы.

– Что, в вашем приходе был набожный народ, сеньор Амаро? – спросила священника графиня.

– Очень набожный.

– Только в деревнях можно теперь найти истинную веру, – заметила она тоном искреннего сожаления и стала жаловаться на неприятную необходимость жить в городе. Ей хотелось бы жить в имении покойной матери, молиться в маленькой, старинной часовне, болтать со славными, добрыми крестьянами их деревни.

Полный молодой господин засмеялся.

– Что вы говорите, кузина, разве это так приятно!

Красивый блондин подошел к графине и попрощался с нею. Амаро пришел в восторг от его стройной фигуры и голубых глаз; заметив, что он уронил перчатку, Амаро подобострастно наклонился поднять ее. Когда он вышел, Тереза, подошедшая было к окну и выглянувшая на улицу, уселась в кресле в ленивой позе и флегматично спросила полного господина:

– Не пора-ли нам уходить, Жоан?

– Ты знаешь, что отец Амаро воспитывался вместе со мною? – спросила ее графиня.

Амаро покраснел, почувствовав, что Тереза устремила на него свои черные, влажные глаза.

– Вы живете теперь в провинции? – спросила она, позевывая.

– Да, сеньора, я недавно приехал.

– Представь себе, какая ужасная там жизнь, – сказала графиня. – У церкви испорчена крыша, постоянно все занесено снегом, приход состоит из одних пастухов. Я уже просила министра, чтобы отца Амаро перевели куда-нибудь. Попроси и ты тоже.

– А знаешь, на кого похож падре? – перебила ее Тереза.

Графиня стала пристально разглядывать Амаро, а полный господин даже надел пэнэнэ.

– По моему, он похож на прошлогоднего пианиста? Я не помню сейчас его имени.

– Ах, да, на Жадеита. Это верно, только волосы у него не такие.

– Еще бы. У того не было тонзуры.

Амаро покраснел до ушей. Тереза встала, подобрав роскошный шлейф, и села за рояль.

– Вы умеете играть на рояле? – спросила она, обращаясь к Амаро.

– В семинарии нас учили немного, сеньора.

Она быстро пробежала рукою по клавишам и заиграла отрывок из Риголетто. Амаро был очарован. Роскошная гостиная со светлой обстановкою, страстная игра, белая шея Терезы под черным газом, её божественные волосы, все это окружало его особенною, романческою атмосферою; ему чудилось, что он провел всю жизнь на дорогих коврах, в каретах, обитых шелком, слушая чудную музыку и наслаждаясь упоительною любовью.

Тереза кончила отрывок из Риголетто и запела старинную арию Гайдна.

– Браво, браво! – воскликнул министр, появляясь у двери и апплодируя. – Прелестно, прелестно, очаровательно.

– У меня просьба к вам, сеньор Коррена, – обратилась к нему Тереза, вставая.

Министр галантно подошел к ней.

– Чем я могу быть полезен вам, сеньора?

Граф тоже вошел в гостиную, продолжая разговор с господином с бакенбардами.

– Мы с Жоанною решили обе обратиться к вам.

– Но в чем же дело? – спросил министр, удобно усаживаясь в кресле, с довольным выражением на лице. – Это что-нибудь серьезное? Боже мой, даю вам торжественное обещание....

– Ну-ка, скажите, – перебила его Тереза, – какой из свободных сейчас приходов вы считаете лучшим?

– Ах, так вот в чем дело! – протянул министр, поняв просьбу дам и переводя взгляд на Амаро, который густо покраснел.

Господин с бакенбардами поспешил вмешаться в разговор и дать справку.

– Лучшим свободным приходом следует считать теперь Лерию, главный город области и местожительство епископа.

– Лерия? – сказала Тереза. – Там еще есть какие то развалины?

– Старый замок, сеньора.

– Лерия вполне подойдет.

– Но позвольте пожалуйста. Это ведь город и вдобавок епархиальный. Отец Амаро еще молод.

– А вы сами, сеньор Коррена, разве вы не молоды? – спросила Тереза.

Министр поклонился ей с любезной улыбкой.

– Замолви-же и ты словечко, – попросила графиня мужа.

– Мне кажется, что это излишне. Бедный Коррена побежден. Кузина Тереза назвала, его молодым.

– Но позвольте, – запротестовал министр, – ведь это вовсе не комплимент. Я, кажется, действительно не стар.

– О, несчастный! – воскликнул граф. – Припомни хорошенько, ведь в 1820 году ты участвовал в заговоре.

– Ах, ты, клеветник! То был мой отец.

Все засмеялись.

– Итак, сеньор Коррена, вопрос решен, – объявила Тереза. – Отец Амаро переводится в Лерию.

– Хорошо, хорошо, я подчиняюсь вам, – сказал министр с жестом покорности. – Но это деспотизм.

– *Thank you*, – ответила Тереза, протягивая ему руку.

Граф подошел к Амаро; тот встал.

– Ваше назначение решено, – сказал он. – Коррена сам переговорит с епископом. Через неделю вы получите официальное извещение о переводе. Можете быть вполне спокойны.

Амаро поклонился и подобострастно подошел к министру, стоявшему у рояля.

– Благодарю вас, ваше превосходительство...

– Я тут не причем. Это все графиня, – ответил тот, улыбаясь.

– Ваше сиятельство, благодарю вас, – обратился он к графине, низко кланяясь.

– Что вы! Поблагодарите Терезу. Она, по-видимому, хочет замолить грехи.

– Сеньора... – обратился Амаро к Терезе.

– Не забывайте меня в своих молитвах, отец Амаро, – ответила она и снова села за рояль.

Через неделю Амаро узнал официально о своем новом назначении. Проведенное им в доме графини утро неизгладимо запечатлелось в его памяти. В ушах его постоянно звучала ария из Риголетто, а воображение рисовало белые руки Терезы под черным газом. У него стучало в висках при мысли, что ему придется, может быть, исповедывать такую божественную женщину и чувствовать прикосновение её черного шелкового платья к его старой потертой рясе, в полумраке и приятной близости исповедальни.

В одно прекрасное утро он попрощался с теткою и уехал на место службы.

IV

На другой день после его приезда, в Лерии только и гогорили, что о новом священнике. Все знали уже, что он высокого роста и называет каноника Диаса отцом-наставником.

Ближайшие приятельницы сеньоры Жоаннеры – донна Мария и две сестры Гансозо – явились к ней с утра расспросить обо всем подробно... Было девять часов утра. Амаро ушел уже с каноником. Сеньора Жоаннета вышла навстречу гостям, сияя от удовольствия, и принялась немедленно рассказывать им про то, как прошел вечер...

– Но пойдете, я покажу вам его комнаты...

И она провела их в спальню священника и показала ей сундук и этажерку, которую она приготовила ему для книг.

– Как все хорошо, как все удобно! – говорили старухи, медленно и благоговейно ходя по комнатам, точно в церкви.

– Какой хороший плащ! – заметила донна Жоакина Гансозо, щупая сукно висевшего на вешалке плаща. Наверно, он стоил не меньше двух золотых.

– А поглядите-ка на белье! – сказала сеньора Жоаннера, приподнимая крышку сундука. Старухи с любопытством наклонились над сундуком.

Сеньора Жоаннера показала им еще несколько интересных вещей, принадлежавших священнику – распятие, завернутое в старую газету, альбом для фотографии, где красовался на первом месте портрет папы, благословляющего христианский мир. Приятельницы пришли в восторг.

– Это прекрасно, это чудесно! – говорили они.

И, прощаясь с сеньорою Жоаннерою, они поздравили ее с таким хорошим жильцом.

– Вы ведь придете сегодня вечером? – крикнула она им вслед.

– Обязательно. – ответила донна Мария. – Мы хотим сами посмотреть на него.

В полдень зашел Либаниньо, ханжа, вечно о чем-то хлопотавший и бегавший по Лерии с утра до вечера.

– Ну что-же, приехал новый падре? Каков он?

Сеньора Жоаннера снова принялась расхваливать Амаро и рассказывать о его внешности, набожности, белых зубах.

– Как славно, как славно! – говорил Либаниньо, проникаясь благоговейною нежностью к новому священнику. – Но мне пора дальше. Прощай, милая, прощай. Ты все полнеешь. Я прочитал за тебя «Богородицу», как ты просила.

– Ты придешь к нам вечером, Либаниньо?

– Ох, не могу, голубушка, не могу. Завтра ведь день Св. Варвары. У меня очень много дела.

Амаро отправился утром с каноником Диас к настоятелю собора и передал ему рекомендательное письмо от графа де-Рибамар.

– Я хорошо знал графа де-Рибамар в Опорто, когда был священником в церкви Св. Ильдефонса. Мы с ним хорошие приятели. Давно уже это было.

И, развалившись в старом, покойном кресле, настоятель стал с наслаждением вспоминать былые времена, рассказывая при этом анекдоты, критикуя своих бывших сослуживцев и подражая их голосу и манерам (это была его специальность). Слушатели весело смеялись. У Амаро сразу установились с обоими священниками дружеские отношения, и он вышел от настоятеля очень довольный.

Каноник Диас позвал его к себе обедать, а после обеда они отправились вместе гулять в окрестности города. Поля были залиты мягким, приятным светом, холмы на фоне голу-

бого неба дышали тихим спокойствием. Вдали слышался звон колокольчиков-возвращавшегося домой скота. Амаро остановился у моста.

– Я думаю, что мне понравится здешняя жизнь, – сказал он.

– Несомненно, – вы увидите, как здесь хорошо, – сказал каноник.

В восемь часов они явились к сеньоре Жоаннере. Её старые приятельницы сидели уже в столовой. Амелия шла у лампы.

Дона Мария, богатая вдова, была одета по воскресному в черное шелковое платье; её белокурые волосы были скрыты под черною кружевною наколкою, а худые руки в кольцах и митенках мирно покоились на животе. Она сидела прямо и чопорно, слегка склонив голову на-бок.

– Вот новый падре, дона Мария, – сказала ей сеньора Жоаннера.

Она привстала и поклонилась.

– А это сеньоры Гансозо. Вы, вероятно, уже слышали про них.

Амаро робко поздоровался с ними. Это были две сестры. Они считались зажиточными, но сдавали комнаты. Старшая, дона Жоакина Гансозо, была худая женщина с огромною головою, маленькими, живыми глазами и вздернутым кверху носом. Она вечно всех критиковала и вся отдавалась церкви.

Сестра её, дона Анна, была совсем глуха. Она никогда, не разговаривала в обществе и сидела спокойно с опущенными глазами, сложив руки и вертя большими пальцами. О ней можно было бы легко забыть, даже, если бы она не напоминала изредка о своем присутствии глубокими вздохами. Говорили, что она пылает злополучною любовью к одному почтовому чиновнику.

Тут была и сеньора Жозефа, сестра каноника Диаса. Это было маленькое, сухое создание с морщинистою желтою кожею и резким голосом. Она постоянно находилась в состоянии раздражения; глаза её сверкали злым упрямством, лицо нервно подергивалось. Вся она, казалось, была пропитана желчью и внушала страх всему городу. Остряк доктор Годиньо называл ее «центральною станцією интриг в Лерии».

– Ну, хорошо-ли вы прогулялись, падре? – спросила она у Амаро, творя крестное знамение.

– Мы дошли почти до Марразес, – ответил за него каноник, грузно опускаясь на стул позади сеньоры Жоаннеры.

Они заговорили об окрестностях Лерии, о красивых видах. Дона Жозефа очень любила прогулку по берегу реки, дона Жоакина Гансозо предпочитала высокий холм с церковью Зачатия.

– Оттуда такой чудный вид.

– А мне нравится больше всего место под плакучими ивами у моста, – сказала Амелия, улыбаясь.

Амаро взглянул на нее тогда в первый раз. На ней было надето голубое платье, плотно облегавшее красивый бюст. Белая, округлая шея красиво выделялась над отложным воротничком. Зубы сверкали белизною между свежими, красными губами. Легкий пушок бросал нежную, прелестную тень около углов рта.

– А странно, отчего нет до сих пор отца Брито? – спросила дона Жоакина Гансозо.

– Я видел его сегодня. Он ехал верхом по дороге в Барроза, – заметил молодой человек, стоявший около буфета.

– Удивительно, как это вы заметили его, – съязвила сестра каноника.

– Почему же? – спросил молодой человек, подходя ближе к старухам.

Он был высокого роста, весь в черном. На белом, несколько утомленном лице его красиво выделялись черные усики, которые он имел привычку покусывать.

– А вы еще спрашиваете? – воскликнула дона Жозефа. – Коли вы не кланяетесь ему!

– Я-то?

– Ну, да, вы. Он сам сказал мне. – заявила она резким тоном. – О, падре, – продолжала она, обращаясь к Амаро с недоброю усмешкою: – вам придется немало потрудиться, чтобы наставить сеньора Жоана Эдуарда на путь истины.

– Но я не чувствую, что иду по дурному пути, – ответил Жоан Эдуард, смеясь. Взгляд его постоянно устремлялся на Амелию.

– Ну уж вам нечего говорить, – вставила дона Жоакина Гансозо. – Вспомните только, что вы сказали на-днях про Святую в Аррегассе. Это не откроет вам врат Царствия Небесного.

– Это еще что за новость!! – вспылила сестра каноника, резко оборачиваясь к Жоану Эдуардо. – Что вы осмелились оказать про Святую? Вы, пожалуй, не верите в её святость?

– Нет, я ручаюсь, что сеньор Жоан Эдуардо неспособен сказать подобную вещь, – важно решил каноник, развертывая красный носовой платок.

– А кто эта Святая из Аррегассы? – спросил Амаро.

– Неужели вы не слышали о ней, падре? – воскликнула дона Мария с изумлением.

– Не может быть, чтобы не слышали, – заявила дона Жозефа Диас авторитетным тоном. – Говорят, Лиссабонские газеты полны этим.

– Это действительно необычайное явление, – глубокомысленно заметил каноник.

– Это чудо, в полном смысле слова, чудо! – заметила сеньора Жоаннера.

– Да, конечно. Нечего и говорить, – согласились приятельницы.

– Но... собственно в чем же дело? – спросил Амаро с любопытством.

– А вот в чем, падре, – начала дона Жоакина Гансозо, торжественно выпрямляясь в кресле: – Святая – это одна женщина в соседнем приходе, которая лежит в постели уже двадцать лет... Она разбита параличем. Руки у неё тонки, как, мизинец. Чтобы понять, что она говорит, приходится прикладывать ухо к её губам.

– Она живет одною милостью Божиею, бедненькая, – благоговейно сказала дона Мария. Старухи растроганно замолчали.

– Но доктора говорят, что это нервная болезнь, падре, – сказал Жоан Эдуардо, стоявший позади старух, положив руки в карманы.

Эти слова вызвали у старых богомолков взрыв негодования. Дона Мария даже перекрестилась на всякий случай.

– Пожалуйста не смейте говорить при мне подобных вещей! – закричала дона Жозефа. – Это оскорбление. Вы, видно, неверующий человек и не уважаете ничего святого. Ни за что бы не отдала я за вас свою дочь, – добавила она, переводя взгляд на Амелию.

Амелия покраснела, Жоан Эдуардо тоже.

– Я повторяю только то, что говорят врачи, – возразил он язвительно. – Кроме того, я не имею ни малейшего желания жениться на ком-нибудь из ваших родных и даже на вас лично, дона Жозефа.

Каноник громко расхохотался.

– Уходите от меня подальше. Вы – безобразник, – закричала старая ханжа в бешенстве.

– Но что же делает Святая? – спросил отец Амаро, желая восстановить мир и тишину.

– Все, что хотите, падре, – ответила дона Жоакина Гансозо. – Она знает молитвы против всех бед и призывает, милость Божию на того, кто обращается к ней за помощью. А когда она причащается, то приподнимается на постели и сидит, почти не прислонявшись к подушкам, и так закатывает глаза к небу, что даже страшно становится.

– Мой привет почтенному собранию, – раздался в это время голос у двери; и в комнату вошел необычайно высокий, бледный господин с изможденным, больным лицом и почти беззубым ртом. В его тусклых впалых глазах отражалась идиотическая сентиментальность. В руках он держал гитару.

– Ну, как вы себя чувствуете сегодня? – спросили у него все.

– Плохо, – ответил он с грустью. – Все грудь болит и кашель...

– Вам бы на Мадеру надо поехать. Это единственное средство, – решила дона Жоакина Гансозо авторитетным тоном.

Он засмеялся.

– На Мадеру. Это недурно. Какая блестящая мысль! Бедный чиновник, получающий триста шестьдесят² рейс в день при жене и четырех детях, должен поехать на Мадеру.

– А как поживает Жоаннита?

– Ничего, спасибо, она здорова. – И, повернувшись к сеньоре Жоаннере, он хлопнул ее по колену.

– А как поживает наша мать-настоятельница?

Все засмеялись. Дона Жоакина Гансозо шепнула Амаро, – что этот молодой человек Артур Косеро – большой шутник и прелестно поет.

Руса подала чай.

– Пожалуйста, пожалуйста к столу, господа, – попросила сеньора Жоаннера, разливая чай.

Старухи сели пить чай, сливая его на блюдечки и потягивая маленькими глоточками. К чаю подали бутерброды. Все аккуратно разложили за коленях платки, чтобы не закатать платье.

– Не угодно ли вам печенья, падре? – предложила Амелия, подавая Амаро тарелочку со сладостями. – Оно очень свежее.

– Спасибо.

– Возьмите вот эту штучку. Она с небесным кремом....

– Ах, если с небесным, то надо взять, – сказал Амаро, весело смеясь, взял печенье кончиками пальцев и взглянул на нее.

Сеньор Артур обыкновенно услаждал общество пением после чая. Как только Руса унесла поднос, Амелия села за рояль и быстро пробежала пальцами по желтым клавишам.

– Спойте что-нибудь чувствительное, – попросила дона Жоакина Гансозо.

– Да, да, это лучше всего, – присоединились к ней остальные.

Артур прочистил горло, сплюнул и, придав лицу печальное выражение, запел, тоскливым голосом. Песня называлась *Прощание*; в ней говорилось о том, как двое влюбленных расстаются навсегда, в лесу, в тихий осенний вечер.

Отец Амаро стоял у окна с папиросою и смотрел на Амелию. Её тонкий, правильный профиль ярко освещался стоявшею на рояле свечью, грудь нежно вздымалась. Священник следил взглядом за её длинными ресницами, которые то поднимались... то опускались над роялем. Жоан Эдуардо стоял рядом с нею и перелистывал страницы.

– Браво, браво! – воскликнули все, когда музыка кончилась...

Наступила очередь для лото. Каждый выбрал себе карточку; дона Жозефа Диас стала побрякивать большим мешком с номерами, и глаза её загорелись алчностью.

– Здесь есть свободное место, падре, – сказала Амелия.

Амаро сел рядом с ней, слегка покраснев. Воцарилось молчание. Каноник стал сонным голосом выкликать номера. Дона Анна Гансозо спала в уголке, слегка похрапывая.

– Мне не хватает только № 21, – сказал кто-то.

– Встряхните мешок, братец, – попросила дона Жозефа каноника, с дрожью алчности в голосе.

– Вытащите-ка мне номер сорок восемь, – попросил. Артур Косеро, подпирая голову руками.

Наконец каноник выиграл.

– А что же вы не играете, сеньор Жоан Эдуардо? – спросила Амелия, ища его взглядом.

Молодой человек вышел из-за драпировки у окна.

² 360 рейс около 70 коп.

– Возьмите эту карточку, играйте.

– И кстати, собирайте деньги, раз вы не сидите, – попросила сеньора Жоаннера.

Жоан Эдуардо обошел играющих с блюдечком. Подсчитав деньги, он увидел, что кто-то не положил причитающихся с каждого игрока десяти рейс.

– Я уже дал! Я уже дала! – воскликнули все взволнованно. Жоан Эдуардо был почти уверен, что виновницею недочета была сестра каноника.

Он наклонился к ней.

– Мне кажется, что вы забыли сделать свой взнос, дона Жозефа.

– Я! – воскликнула она в бешенстве. – Да я первая положила, Две монеты по пять рейс. Как вы смеее так говорить?

– Хорошо, значить, я сам забыл сделать взнос. Вот мои десять рейс. Ханжа и воровка, – добавил он сквозь зубы.

– Я хотела посмотреть, удастся-ли этому жулику провести нас. Бога, он не боится, – прошептала сестра каноника на ухо доне Марии.

– Кому не везет сегодня, так это отцу Амаро.

Священник улыбнулся. Он был рассеян и чувствовал себя усталым. Несколько раз он даже забывал отмечать у себя номера, и Амелия толкала его под локоть и заставляла исправлять ошибку.

Шла уже третья игра. Обоим им – Амелии и Амаро – не хватало только тридцать шестого номера, чтобы заполнить карточки.

Все кругом заметили это.

– Ну-ка, посмотрим, не выиграют-ли они оба одновременно, – оказала дона Мария, ласково поглядывая на них глуповатыми глазами.

Но № 36 все не выходил. Амелия боялась, как бы не выиграла дона Жоакина Гансозо, которая беспокойно ерзала на стуле, ожидая № 48. Амаро смеялся, заинтересовавшись игрою.

– Чего бы я только не дала, чтобы вышел № 36! – прошептала Амелия с загоревшимися глазами.

– А, вот и он! № 36! – сказал каноник.

– Мы выиграли, – воскликнула она торжествующим тоном и, подняв обе карточки, стала с гордостью показывать их окружающим, слегка покраснев.

– Да благословит вас Господь! – весело сказал каноник, подвигая к ним блюдечко с монетами.

– Это просто чудо, – заметила дона Мария благоговейным тоном.

Но пробило уже одиннадцать часов, и старухи стали собираться домой. Амелия села за рояль и заиграла польку. Жоан Эдуардо подошел к ней.

– Поздравляю вас, – прошептал он. – Вы выиграли вместе с отцом Амаро. Какое счастье, какой восторг!

Амелия хотела ответить что-то.

– Прощайте, – отрезал он сухо и закутался в плащ. Руса посветила гостям на лестнице. Когда все ушли, Амаро отправился в свою спальню и взял молитвенник. Но мысли его были заняты другим; перед ним вставали фигуры старух, гнилые зубы Артура, и особенно отчетливо – прелестный профиль Амелии, её прическа, маленькие ручки и нежный пушок на губах...

После сытного обеда и портвейна его мучила жажда, но в комнате не было воды. Он вспомнил, что видел в столовой кувшин со свежеею ключевою водою, надел мягкия туфли, взял свечку и медленно отправился наверх. В столовой был свет, но драпировка была спущена. Амаро приподнял ее, но сейчас же отступил, вскрикнув от неожиданности. Он увидел в комнате Амелию; она уже сняла платье и расшнуровывала корсет. Она стояла у самой лампы, и

пламя ярко освещало её голые руки, белую шею и прелестную грудь. Услышав возглас священника, она тоже вскрикнула и побежала к себе в комнату.

Амаро стоял неподвижно, и на лбу его выступил холодный пот. Она могла принять его невольный поступок за оскорбление. Священник ожидал услышать через драпировку слова возмущения. Но вместо этого голос Амелии спокойно спросил из-за двери её комнаты:

– Что вам угодно, падре?

– Я пришел за водою... – пробормотал он.

– Ах, эта Руса! Какая забывчивая! Извините, падре, извините. Посмотрите, в столовой на столе есть кувшин с водою. Нашли?

– Нашел, нашел.

Он медленно спустился к себе в спальню с полным стаканом. Руки его дрожали, и вода расплескалась на блюдечко и на пальцы.

Он лег, не прочитав на ночь молитв. Уже поздно ночью Амелия слышала, как он возбужденно ходил взад и вперед по своей комнате.

V

Амелия тоже никак не могла заснуть в этот вечер. На комодѣ медленно гасла лампа, отравляя воздух скверным запахом масла; на полу белели сброшенные нижнія юбки. Глаза кошки сверкали в темноте фосфорическим зеленоватым блеском.

В соседней квартирѣ непрерывно плакал грудной ребенок. Амелия слышала, как мать укачивает его, напевая песенку:

«Спи, малютка, спи...»

Это была бедная прачка Катерина, которую поручик Сова бросил беременную и с грудным ребенком. Она была прежде хорошенькою блондинкою, а теперь обратилась в изможденную, поблекшую женщину.

«Спи, малютка, спи...»

Амелия хорошо знала эту колыбельную песенку. Когда ей было семь лет, мать постоянно напевала ее в длинныя зимнія ночи маленькому, давно умершему сыночку.

Амелия прекрасно помнила это время. Они жили тогда на другой квартирѣ. Под окном спальни росло лимонное дерево, и на его пышных ветвях мать развешивала пеленки малютки Жоана для просушки. Отца девочка никогда не знала. Он был военным и умер молодым; мать иногда вспоминала, вздыхая, о его статной, красивой фигурѣ в блестящей формѣ кавалериста.

Восьми лет Амелия начала учиться у пухлой, белой старушки, хорошо знавшей монастырскую жизнь; любимое занятіе учительницы состояло в том, чтобы сидѣть с шитьем у окна и рассказывать про монахинь. Амелия страстно любила слушать эти рассказы. В это время ее так привлекали церковныя торжества и монастырская жизнь, что ей хотѣлось быть тоже «монахиней, но очень хорошенькою, под белую вуалькою».

К матери еѣ часто приходили в гости священники. Настоятель Карвальоза, коренастый старик, задыхавшійся от астмы на лестницѣ и говорившій гнусавым голосом, навещал сеньору Жоаннеру ежедневно, как друг дома. Амелия называла его крестным. Возвращаясь по вечерам с урока, она всегда заставляла его с матерью в гостиной за болтовней. Он сидѣл удобно, расстегнув рясу, подзывал ее к себѣ и спрашивал уроки.

Вечером приходили еще гости – отец Валенте, каноник Крус, приятельницы матери с вечным вязаньем, и капитан Косеро, всегда приносившій с собою гитару. Но в девять часов девочку посылали спать; она видѣла в щелку двери свет, слышала громкіе голоса; потом наступало молчаніе, и капитан начинал пѣть, – аккомпанируя себѣ на гитаре.

Так росла Амелия среди священников. Но некоторые из них были антипатичны ей, особенно отец Валенте, жирный, вечно мокрый от пота, с мягкими, пухлыми руками. Он часто брал ее на колени, пощипывал еѣ румяныя щѣчки и обдавал противным дыханіем, пропитанным запахом лука и табаку. Зато она была в большой дружбѣ с каноником Крусом, худым, совершенно седым и очень опрятным стариком. Он входил в комнату медленно, кланялся, прижимая руку к груди, и говорил мягким голосом, слегка шепелявя.

В то время Амелия знала уже катехизис. И дома, и на уроках, ей твердили постоянно о гнѣвѣ Божиѣм, и Бог представлялся еѣ детскому уму существом, умеющим посылать людям только страданія и смерть; она считала, что его необходимо ублажать и умиротворять постом, молитвою и преклоненіем перед священниками. Поэтому, если она забывала иногда помолиться с вечера, то налагала на себя на другой день покаяніе из боязни, что Господь Бог пошлет ей болѣзнь или заставит поскользнуться на лестницѣ.

Лучшее время наступило для неѣ, когда ее стали учить музыкѣ. В углу столовой стоял старый рояль, покрытый потрепанною зеленою салфеткою и служившій давно буфетным столиком. Амелия часто напевала, расхаживая по дому, и приятельницы посоветовали матери учить девочку музыкѣ.

Настоятель рекомендовал хорошего учителя, бывшего органиста в соборе города Эвора. Это был очень бедный и несчастный человек; его единственная дочь, хорошенькая, молодая девушка, убежала из дому с офицером, а через два года один знакомый увидел ее в Лиссабоне на улице, разряженную и напудренную, с английским матросом. Старик-отец впал в глубокую меланхолию и в крайнюю нужду. Ему дали из жалости место в духовной консистории. Он был очень высокого роста, худ, как щепка, носил седые волосы до плеч; его усталые глаза постоянно слезились, а в доброй, попарной улыбке было что-то трогательное. В Лерии его прозвали за худобу и грустный вид Дядюшкой Аистом. Однажды Амелия тоже назвала его так, но сейчас-же закусил губы, покраснев от стыда.

Старик печально улыбнулся.

– Ничего, голубушка, ничего. Что же тут дурного? Дядюшка Аист... Я ведь и вправду аист одинокий.

Это было зимою. Дожди и юго-восточный ветер не прекращались, причиняя бедным людям много страданий. Дядюшка Аист приходил всегда в полдень на урок к Амелии, дрожа от холода, садился с ученицею за рояль и прятал под себя ноги, чтобы никто не увидел грязных, рваных башмаков. Особенно жаловался он на то, что стынуть руки, и он не может ни писать в канцелярии, ни играть на рояле.

Но когда сеньора Жоанера уплатила ему за первый месяц, старик явился на урок с довольным видом и в шерстяных перчатках.

– Ах, Дядюшка Аист, теперь вы не так мерзнете, – сказала ему Амелия.

– Это на ваши деньги куплено, деточка. Теперь я буду копить деньги на шерстяные чулки. Благослови вас Господь, моя дорогая, спасибо вам.

Постепенно между учителем и ученицею возникла большая дружба. Старик поверял ей свои горести, рассказывал о дочери, о службе в Эворском соборе.

Амелия не забыла о шерстяных чулках дядюшки Аиста и обратилась к настоятелю с просьбою подарить их ей. Тот дал ей две серебряных монеты, и на следующий день она поднесла учителю теплые чулки.

Однажды старик явился еще желтее и печальнее обыкновенного.

– Дядюшка Аист, – спросила вдруг девочка, – сколько вы получаете на службе в канцелярии?

– Что я могу получать, голубушка! Конечно, пустяки. Восемьдесят рейс³ в день...

– А вам хватает этого на прожитие?

– Конечно, нет. Разве можно прожить на это?

В соседней икомнат слышались шаги матери, и Амелия принялась за урок.

В этот день она так пристала к матери, что та согласилась приглашать Дядюшку Аиста к завтраку и обеду во дни урока. Постепенно между стариком и девочкою установились теплые, близкие отношения.

Амелия занималась музыкою очень старательно, находя в этом большое наслаждение. Вскоре она стала уже играть легкия пьески старых композиторов. Дона Мария удивилась однажды, что учитель не дает ей играть «Трубадура».

– Это так красиво, – сказала она.

Но Дядюшка Аист знал только классическую музыку – наивные и нежные арии Люлли, менуэты и незатейливые пьески старых времен.

Однажды старик застал девочку очень печальною и бледною. Она жаловалась на какое-то неопределенное недомогание. Учитель предложил уйти, чтобы не утомлять ее уроком.

– Нет, нет, не уходите. Сыграйте мне лучше что-нибудь хорошенькое.

Он сбросил плащ, сел за рояль и сыграл простую, но очень грустную мелодию.

³ Восемьдесят рейс составляют около 16 коп. Прим. перев.

– Какая прелесть! – сказала Амелия, когда он кончил играть. – Что это такое?

Старик объяснил, что это начало Элегии, написанной одним монахом, его приятелем.

– Это был несчастный страдалец, – добавил он.

Амелия попросила, рассказать ей про этого человека, закуталась поплотнее в платок и стала слушать.

Несчастный влюбился в молодости в монахиню; она умерла в монастыре от злополучной любви, а он постригся в монахи от горя...

– Он был красив?

– О, да, поразительно красив. И очень богат. Однажды он пришел ко мне в собор. Я сидел за органом. Послушайте, что я сочинил, – сказал он мне, сел и заиграл. Ах, деточка, какая чудная это была вещь! К сожалению, я не помню продолжения.

Амелия думала целый день об этой истории. Ночью у неё сделился сильный жар и бред. Она видела во сне несчастного монаха в полумраке Эворского собора; его глубокие глаза сверкали на изможденном лице. Неподалеку лежала на каменном полу в монастыре бледная монахиня, надрываясь от рыданий. По длинной галлерее шли в церковь францисканские монахи... В туманной атмосфере раздавался похоронный звон колокола.

Жар спал у Амелии на следующее-же утро, и доктор Гувейа успокоил сеньору Жоаннеру простыми словами:

– Не путайтесь, сударыня, девочке просто уже пятнадцать лет. Скоро у неё может появиться головокружение и тошнота... А потом все войдет в норму, и она будет взрослою.

Сеньора Жоаннера поняла доктора.

– У неё, по-видимому, страстная натура, – добавил опытный старик, улыбаясь и понюхивая табак.

Вскоре после этого настоятель Карвальоза скончался внезапно от удара. Это было большим несчастьем для сеньоры Жоаннеры. Она заперлась в комнате, не выходила из неё два дня, рыдая и причитая. Приятельницы пришли утешить ее в горе, и дона Жозефа Диас сумела лучше всех выразить их общую мысль:

– Перестань, голубушка, нечего убиваться. Ты всегда найдешь себе покровителя.

Это было в начале сентября. Дона Мария ехала на морские купанья в Виеру, где у неё была собственная дача, и пригласила к себе сеньору Жоаннеру с Амелией, чтобы развлечь их немного.

– Большое тебе спасибо, голубушка, – ответила бедная женщина. – Мне так тяжело здесь. Вот тут он ставил всегда зонтик, приходя... тут садился, когда я шила.

– Ну, ну, забудь это. Будешь купаться в море, гулять, кушать, и все пройдет понемногу. Ведь он уже не молод был. Слава Богу, шестьдесят лет...

– Ох, милая моя, не за возраст любишь человека, а за дружбу.

Амелии было тогда пятнадцать лет, но она успела уже обратиться в высокую, стройную девушку. Поездка в Виеру доставила ей огромное наслаждение. Она никогда не видала прежде моря и просиживала теперь часами на песчаном берегу, не отрывая глаз от голубого, залитого солнцем пространства.

По утрам она вставала рано и шла купаться. Переодевшись в кабинете на берегу во фланелевый купальный костюм, она – входила в воду, дрожа от холода и страха и с трудом подвигаясь вперед среди больших волн. Вода пенилась кругом. Амелия погружалась в воду, выскакивала, прыгала, задыхаясь и выплевывая соленую воду. Но как хорошо чувствовала она себя по выходе из воды!

По вечерам устраивались длинные прогулки на берегу моря. Амелия собирала раковины, смотрела, как рыбаки вытаскивали сети, в которых трепетали серебристые сардинки, и любовалась роскошным закатом солнца.

К доне Марии приехал в гости её дальний родственник Агостиньо, студент пятого курса, стройный, красивый, молодой человек с черными усиками и острой бородкой. Он декламировал стихи, играл на гитаре, рассказывал анекдоты, устраивал пикники и славился в Виере умением занимать дам.

Амелия заметила с первых же дней, что глаза Агостиньо Брито почти не отрываются от неё. Девушка краснела, и грудь её высоко вздымались от волнения.

Молодой человек нравился ей; она находила его очень милым и воспитанным.

Вскоре он стал ходить за нею по пятам... Утром на купанье, днем – на прогулке. Он сложил даже в честь неё стихи, и Амелия повторяла их вечером вполголоса, наедине.

Октябрь приходил к концу. Однажды вечером гости доны Марии собрались погулять при свете луны. Но только успели они дойти до небольшой сосновой рощи, как поднялся сильный ветер, и закапал дождь. Дамы поспешили укрыться под деревьями. Агостиньо, шедший с Амелией под руку, отвел ее в сторону и прошептал, стискивая зубы:

– Я схожу во тебе с ума, знаешь-ли ты это?

– Так я и поверю, – пробормотала она.

Агостиньо перешел тогда в серьезный тон.

– Ты слыхала, что мне придется может быть уехать завтра? После завтра у меня экзамен.

– Поезжайте, – вздохнула Амелия.

Он схватил ее без дальнейших разговоров за плечи и жадно поцеловал в губы несколько раз.

– Оставьте меня, оставьте, – закричала она, вырываясь, но скоро перестала сопротивляться и тихо застонала, как вдруг издали послышался резкий голос доны Жоакины Гансозо:

– Идите, идите скорее. Начинается ливень.

Амелия вырвалась и побежала к матери.

Агостиньо уехал на другой день. Скоро наступило дождливое время, и Амелия вернулась с матерью и доною Марией в Лерию.

Прошла зима.

Однажды вечером, придя в гости к сеньоре Жоаннере, дона Мария сообщила, что Агостиньо Брито женится на барышне Вимеро.

– Вот-то ловкий парень! – воскликнула дона Жоакина Гансозо. – Он берет ведь за нею не меньше тридцати миллионов⁴. Молодец, нечего сказать.

Амелия не выдержала и расплакалась на глазах у всех. Она любила Агостиньо и не могла забыть его горячих поцелуев в сосновой роще.

Вслед за этим у неё начался период болезненной набожности; она читала целыми днями молитвенник и жития святых, увешала стены своей комнаты литографированными изображениями святых, проводила долгие часы в церкви за молитвою, причащалась каждую неделю. Подруги матери находили ее «образцовой христианкой».

Оюло этого времени каноник Диас и его сестра дона Жозефа стали часто бывать в доме у сеньоры Жоаннеры. Каноник сделался скоро «другом семьи». После завтрака он неизменно являлся со своею собачкою, как прежде настоятель с зонтиком.

– Я чувствую к нему большую симпатию, – говорила сеньора Жоаннера: – и все-таки не проходить дня, чтобы я не вспоминала о сеньоре настоятеле.

Так прошло несколько лет. Амелия очень изменилась – выросла и обратилась в красивую девушку двадцати двух лет с бархатными глазами и свежими, розовыми губками. Она смотрела теперь на свою любовь к Агостиньо, как на ребячество. Набожность сохранилась в ней, но носила теперь иной характер; она полюбила внешний блеск церкви – торжественное, праздни-

⁴ 1.000.000 рейс – около 2.000 рублей. Прим. перев.

ное богослужение, вышитые золотом одеяния, тысячи зажженных свечей, серебряные кадила, хорошее пение, орган. Собор заменял ей оперу, и вера сделалась для неё развлечением.

Ей было, двадцать три года, когда она познакомилась с Жоаном Эдуардо, секретарем нотариуса Нуниша Феррала. Амелия пошла с матерью и доною Жозефою к нотариусу, в день праздника Тела Господня, чтобы посмотреть на парадную процессию духовенства с балкона в квартире Нуниша. Жоан Эдуардо скромно стоял тут-же, весь в черном, с серьезным видом. Амелия знала его и раньше, но обратила на него внимание впервые в этот день. Он показался ей симпатичным молодым человеком.

Вечером после чаю начались танцы. Жоан Эдуардо подошел к Амелии.

– Спасибо, я не танцую, – ответила она, – Я слишком стара для этого.

– Вы всегда так солидны и серьезны?

– Иногда я смеюсь, если есть чему, – возразила она, глядя в сторону.

– Например, надо много?

– Как, над вами? Почему-бы я стала смеяться над вами? – И она нервно завертела в руках веер.

Он помолчал немного, словно собираясь с мыслями.

– Так ты серьезно не танцуете?

– Я уже сказала вам, что нет. Почему вы спрашиваете так настойчиво?

– Потому, что я интересуюсь вами.

– Ну, полно говорить, – остановила она его жестом недоверия.

– Честное слово.

Но тут к ним подошла с грозным видом дона Жозефа, наблюдавшая за ними издалека. Жоан Эдуардо робко отошел в сторону.

Через две недели в Лерию приехала на гастроли оперная труппа. Дона Мария взяла ложу и пригласила сеньору Жоаннеру с Амелией. Девушка просидела два дня за шитьем белого кисейного платья с голубыми лентами. Жоан Эдуардо взял себе место в партер и не отрывал от неё глаз во время действия. У выхода из театра он встретил ее, раскланялся с дамами и пошел провожать их до дому. Сеньора Жоаннера и дона Мария отстали от молодежи, и Жоан Эдуардо мог свободно поговорить с Амелией.

– Как понравилось вам сопрано, сеньор?

– Правду сказать, я не слушал пения.

– Отчего-же?

– Я глядел на вас, – ответил он решительным тоном и заговорил о своей горячей любви.

Амелия была возбуждена после театра, и теплая звездная ночь тоже располагала к любви.

Она тихо вздохнула.

– Вы любите меня, неправда-ли? – спросил он.

– Да, – ответила она, пожимая его руку.

Но через несколько дней, присмотревшись немного к молодому человеку, она решила, что это была «лишь мимолетная вспышка». Жоан Эдуардо был очень симпатичен, хорош собою, мог быть прекрасным мужем, но сердце её оставалось спокойным. Вскоре он стал бывать у них почти каждый вечер. Сеньора Жоаннера уважала его за честность и солидность. Но Амелия часто относилась к нему холодно и видела в его любви только развлечение для себя.

В один прекрасный день он попросил у сеньоры Жоаннеры руки дочери.

– Как хочет Амелия... Я ничего не имею против, – ответила сеньора Жоаннера.

Когда спросили Амелию, она дала уклончивый ответ:

– Может быть попозже. Пока я довольна своею судьбою.

В результате было решено подождать, пока жених получит место секретаря в губернском правлении, обещанное ему адвокатом Годиньо.

Так жила Амелия до приезда отца Амаро.

В эту ночь старые воспоминания отрывочно проносились у неё в голове. Она заснула поздно и проснулась, когда солнце стояло уже высоко. Из столовой послышался голос Русы:

– Вон падре выходит с сеньором каноником. Они идут в собор.

Амелия соскочила с кровати, подбежала в рубашке к окну, приподняла край кисейной занавески и заглянула на улицу. Утро стояло чудное, солнечное. Отец Амаро в рясе из тонкого черного сукна шел посреди улицы, весело разговаривая с каноником и сморкаясь в белый платок.

VI

Амаро почувствовал себя очень хорошо с первых-же дней своего пребывания в Лории. Сеньора Жоаннера относилась к нему с чисто материнскою заботливостью, держала в порядке его белье, угощала вкусными блюдами, не терпела в комнате «дорогого падре» ни малейшей пылинки. Амелия была с ним очень мила и несколько фамильярна, как хорошенькая родственница. Дни проходили для Амаро быстро и приятно, среди полного комфорта и женского общества. После печальной жизни в доме дяди, унылого затворничества в семинарии и суровой зимы в горной деревушке, жизнь в Лерии была для него настоящим раем.

Утром рано он уходил каждый день в собор служить обедню, плотно закутавшись в большой плащ. В эти ранние часы было еще очень холодно, и лишь немногие богомольцы решались выйти в церковь, молясь там и сям перед маленькими алтарями.

Амаро входил в ризницу и быстро переодевался, постукивая от холода ногами по полу, в то время, как прислужник рассказывал ему «новости дня». Затем он брал чашу со св. дарами и шел с опущенными глазами в собор. Теперь он служил обедню равнодушно, безо всякого благоговения, не так, как прежде. Я привык, – говорил он. Свежий воздух возбуждал его аппетит, и он торопился служить, бормоча еле внятно молитвы и глотая слова Священного Писания. Как только служба кончалась, он поспешно прикладывался губами к алтарю, благословлял молящихся и шел домой пить чай с бутербродами. Амелия поджидала его в столовой; от её свежей кожи пахло миндальным мылом.

Около полудня Амаро снова поднимался в столовую, где сеньора Жоаннера с Амелией сидели за шитьем. – Мне стало скучно внизу одному; захотелось поболтать, – говорил он всегда. Сеньора Жоаннера сидела в нисеньком кресле у окна и шила, сдвинув очки на кончик носа; Амелия работала у стола, склонив хорошенькую головку. Её пышные волосы были расчесаны на пробор; крупные, золотые серьги бросали на белую шею легкую тень, густо-черные ресницы опускались нежно над румяными щеками. Под мягкой, смуглой кожей чувствовалась здоровая кровь. Полная грудь вздымалась ровно и спокойно. Иногда девушка оставляла работу, лениво потягивалась и улыбалась.

– Как вы, однако, ленивы! – шутил Амаро. – Из вас не выйдет хорошей хозяйки.

Она смеялась. Сеньора Жоаннера рассказывала городские сплетни. Руса заходила временами в столовую за тарелкою или ложкою. Разговор сводился на то, какой будет обед. Сеньора Жоанинера перечислила блюда и спрашивала священника, любит-ли он то или другое кушанье. Амаро не привередничал в еде и ел все без разбора.

Амелия обращалась с ним все фамильярнее; однажды она даже попросила его подержать моток шерсти, чтобы помочь ей мотать клубок.

– Полно, полно, не беспокойтесь, падре, – воскликнула мамаша. – Как тебе не стыдно, Амелия? Что это за неделикатность?

Но Амаро высказал полную готовность услужить девушке. – Отчего-же? Я очень рад. Приказывайте без церемонии. – И обе женщины весело рассмеялись, растроганные милою любезностью священника.

Иногда случалось, что сеньора Жоаннера уходила в комнату к больной сестре или на кухню. Амаро оставался тогда один с девушкою; они не разговаривали, но Амелия напевала что-нибудь вполголоса. Амаро зажигал сигару и слушал её пение.

– Как славно вы поете! – говорил он.

Иногда она выпрямлялась над работою, внимательно разглядывала ее и проводила длинным ногтем по рубцу. Амаро очень нравились её холеные ногти, как и вообще все её существо, походка, манеры, жесты. Никогда еще не приходилось ему жить в такой близости с женщиною. Проходя мимо её комнаты, он заглядывал всегда жадным взором в приоткрытую дверь, стиски-

вая зубы и бледнея при виде брошенной на стул юбки или подвязки. Красота девушки заставляла его забывать, что он – священник. Иной раз он возмущался самим собою, ругал себя, старался овладеть собою, углублялся в чтение молитвенника. Но сверху слышался веселый голос Амелии или стук её ботинок... и все благия намерения священника мгновенно исчезали, а картины искушения снова начинали кружиться перед ним, словно стая назойливых птиц.

Обеденное время было всегда самым счастливым для Амаро. Руса кашляла с каждым днем сильнее и плохо служила за столом. Амелия часто вставала, чтобы достать из буфета ножик или тарелку; Амаро вскакивал со стула, желая помочь ей, но она останавливала его, кладя руку ему на плечо и прося не беспокоиться.

Амаро чувствовал себя великолепно в теплой столовой за сытным обедом. Второй стаканчик вина развязывал ему язык; он начинал шутить и говорить даже иногда, что «был-бы рад иметь такую сестрицу, как Амелия».

Наставали сумерки, и Руса приносила лампу. Блеск посуды и хрусталя приводил Амаро в еще более радостное настроение. Он называл сеньору Жоаннеру мамашею; Амелия улыбалась, опустив глаза и покусывая белыми зубками апельсинные коржи. После обеда подавали кофе, и Амаро долго сидел за чашкою, отряхая пепел сигары на край блюдечка.

В это время появлялся всегда и каноник Диас с собачкою. Он поднимался тяжелою поступью по лестнице и спрашивал из-за двери:

– Разрешается войти?

– Пожалуйте, падре, пожалуйста, – торопливо отвечала сеньора Жоаннера. – Не выкушаете-ли с нами кофейку?

Он усаживался та кресло, пыхтя и отдуваясь, получал чашку кофе и спрашивал у хозяйки, похлопывая Амаро по плечу:

– Ну, как поживает ваш мальчик?

Все весело смеялись. Каноник приносил с собою обыкновенно газету. Амелия интересовалась романами в фельетонах, сеньора Жоаннера – хроникой преступлений на романической подкладке.

– Господи, как вам не стыдно! – говорила она.

Амаро принимался рассказывать о Лиссабоне, о тамошних светских скандалах, о благородном обществе, которое он видел в доме графа де-Рибамар. Амелия заслушивалась его рассказами, опершись локтями о стол.

После обеда все ходили вместе навестить бедную тетку, разбитую параличем. Маленькая лампа тускло освещала её комнатку; несчастная старушка с крошечным, сморщенным, как яблоко, лицом лежала неподвижно, испуганно устремляя на гостей слезящиеся глаза.

– Это, тетя Гертруда, падре, – кричала ей Амелия на ухо. – Он пришел узнать о твоём здоровье.

Старуха делала над собою усилие и говорила, еле слышно:

– Ах, этот мальчик...

– Да, да, этот мальчик, – повторяли все, смеясь.

– Бедная! – говорил Амаро. – Пошли ей, Господи, легкую смерть.

Затем все возвращались в столовую. Каноник усаживался в мягкое кресло, складывал руки на животе и говорил Амелии:

– Ну-ка, сыграйте нам теперь что-нибудь, голубушка.

Она садилась за рояль и начинала петь, аккомпанируя себе.

Амаро попыхивал сигарою и предавался приятному чувству сентиментальных мечтаний.

Но по понедельникам и средам, когда Жоан Эдуардо приходил провести вечер с Амелиею и её матерью, священнику приходилось переживать тяжелые минуты. В эти дни он не выходил из комнаты до девяти часов; тогда же он поднимался в столовую к чаю, вид молодого человека, сидевшего подле Амелии, приводил его всегда в бешенство.

– Эти двое болтают целый вечер, как две сороки, – говорила ему сеньора Жоаннера.

Амаро угрюмо улыбался, не поднимая глаз над чашкою. Амелия никогда не была с ним фамильярна в присутствии Жоана Эдуардо и даже редко отрывалась от работы в эти вечера. Молодой человек молча покуривал сигару. Часто наступало неловкое молчание, и в комнате было слышно, как на улице завывает ветер.

Присутствие ухаживателя Амелии раздражало Амаро, ненавидевшего его за недостаток благочестия и за черные усики. В эти минуты он особенно сильно чувствовал всю тяжесть своего положения.

– Сыграй что-нибудь, дочка, – говорила сеньора Жоаннера.

– Я устала, мама, – вяло отвечала девушка, вздыхая и усаживаясь в кресле поудобнее.

Мать предлагала тогда поиграть в карты, чтобы оживить немного молодежь. Отец Амаро брал свою лампу и спускался вниз, чувствуя себя очень несчастным.

В эти вечера он почти ненавидел Амелию, находя ее упрямой и неприветливой. Частые визиты Жоана Эдуардо казались ему неприличными, и ему хотелось даже поговорить с сеньорою Жоаннерою о том, что «любовь такого неблагочестивого человека не может быть угодна Богу». Но, успокоившись немного, он старался позабыть об этом, решал переехать на другую квартиру и даже перевестись в другой город. Воображение рисовало ему Амелию в подвенечном наряде и Жоана Эдуардо в парадном сюртуке... они возвращались из собора после венчания... брачная постель сияла ослепительною белизною...

– Черт с ними, пусть женятся! – бормотал он сквозь зубы.

* * *

Однажды Амаро обедал в гостях у доны Марии и, вернувшись домой поздно вечером, застал дверь дома открытою; на пороге, в сторонке стояли мягкие туфли Русы.

– Какая глупая девчонка! – подумал священник. – Она, верно, пошла за водою и забыла запереть дверь.

Он вспомнил, что Амелия должна была поехать в этот день с доною Жоакиною в имение Ганстео в окрестностях города, а сеньора Жоаннера собиралась в гости к сестре каноника. Амаро запер дверь и поднялся в кухню зажечь себе лампу. На улицах было мокро после дождя; он забыл снять внизу резиновые галоши, и шаги его не были слышны в доме, проходя мимо спальни сеньоры Жоаннеры, он услышал за ситцевою занавеской чей-то кашель. Это так удивило его что он приподнял край драпировки и заглянул в приоткрытую дверь. Боже мой! Сеньора Жоаннера в одном белье зашнуровывала корсет, а каноник Диас сидел полураздетый на краю кровати и громко пыхтел.

Амаро спустился вниз, неслышно притворил за собою дверь и пошел бродить около собора. Тучи заволокли небо, и стал накрапывать мелкий дождик.

– Так вот оно что! – повторял он про себя в изумлении.

Это был невероятный скандал. Флегматичная сеньора Жоаннера и каноник Диас, бывший преподаватель Морали! Если старик, свободный от порывов юности, смог вести себя таким постыдным образом, то как жили молодые священники, в которых кипела горячая кровь! Недаром говорилось в семинарии, что, все созданы из одного «теста». Духовные лица поднимались по лестнице церковной иерархии, стояли во главе семинарии, управляли душами своих прихожан и ходили по вечерам в укромные улицы к полным, спокойным женщинам покурить дорогая сигары и пощупать пухлые, белые руки.

Соображения иного рода тоже приходили Амаро на ум. Что за особы были сеньора Жоаннера с дочерью, жившие на содержании у старого развратника? Мать была, по-видимому, недурна собою и хорошо сложена в прежние времена. Сколько любовников сменила она прежде, чем попасть в объятия слюнявого старика? Дочь была, наверно, не лучше матери;

она ходила всюду одна и едва-ли была чиста и невинна с такими чудными черными глазами. Амаро представлял себе уже картину приятной возможности: толстая сеньора Жоаннера целует наверху своего пыхтящего каноника, а Амелия спускается к нему в комнату неслышными шагами, накинув платок на голые плечи... С каким наслаждением поджидал бы он ее каждый раз!

Дождь усилился, и Амаро вернулся домой. Когда он вошел в столовую, лампа была уже зажжена.

– О, как вы озябли! – сказала Амелия, пожимая его холодную руку.

Она сидела у стола за шитьем. Жоан Эдуардо играл тут же в карты с мамашею.

Амаро почувствовал себя несколько неловко. Присутствие молодого человека сразу вернуло его к действительности, и надежды, кружившиеся в его душе бурным вихрем, исчезли при виде Амелии в обществе её поклонника. Сеньора Жоаннера могла быть любовницею каноника, но Амелия с её свежими губками и длинными ресницами, несомненно, не подозревала о постыдном поведении матери. Ей, видно, хотелось устроиться своим домом, выйти замуж и отдаться, с чистою душою и телом, этому идиоту, улыбавшемуся с глупым видом над картами. Амаро ненавидел ено всею душою за черные усики и за право любить...

– Вам нездоровится, падре? – опросила Амелия, увидя, – что он заерзал на стуле.

– Нет, – ответил он сухо.

Жоан Эдуардо стал рассказывать о квартире, которую он собирался нанять, и разговор перешел на хозяйство.

– Подай мне лампу, – крикнул Амаро Русе.

Он спустился к себе в мрачном отчаянии. Зеркало на комодѣ отразило его фигуру, и он показался сам себе безобразным и смешным. Бритое лицо и тонзура были особенно противны в сравнении с черными усиками и пышными волосами соперника. – И чего я терзаюсь? – думал Амаро. – От может быть её мужем, дать ей имя, домашний очаг, материнство. Я же могу только вовлечь ее в грех. Она, может быть, и расположена ко мне, несмотря на мой духовный сан, но прежде всего хочет выйти замуж. Да это и понятно.

Чувство ненависти поднялось в нем, он предпочел, чтобы она была вольного поведения, как мать; но ему стало стыдно этих мыслей.

– Однако, мне хочется, чтобы она обратилась чуть ли не в уличную девку, – подумал он. – Это недурно. Мы, священники, не смеем мечтать о приличных женщинах и должны довольствоваться продажными. Хороша наша судьба!

Он задышался и открыл окно. Дождь прекратился, но небо не прояснилось. Тишина нарушалась лишь криками сов вдали.

О, каким хорошим мужем мог бы он быть, если бы не этот проклятый священнический сан! Он обожал бы жену и детей. Картины семейного счастья вызывали на его глазах слезы. Дура маркиза, сделавшая из него служителя церкви, погубила его навеки.

У дверей послышались шаги Жоана Эдуардо и шуршанье платья Амелии. Амаро подошел к замочной скважине, кусая губы от бешенства. Дверь захлопнулась, Амелия побежала наверх, напевая песенку, а священник лег спать, страстно желая обладать прелестною девушкою.

VII

Через несколько дней после этого отец Амаро и каноник Диас получили приглашение к обеду от аббата деревни Кортетасса. Это был веселый, добрый старичок, живший в приходе уже тридцать лет и слывший лучшим поваром в овруие. Он праздновал в этот день свои именины и пригласил, кроме каноника и Амаро, еще двух священников – отца Натарио и отца Брито. Отец Натарио был маленький, сухой человек с ястребиными глазами и прыщавым лицом, необычайно злой и раздражительный. У него была репутация прекрасного латиниста и очень логичного человека. Он жил с двумя племянницами-сиротами, постоянно говорил о своей любви и заботливости к ним, расписывал их, как образец всех добродетелей, и называл своими розочками. Отец Брито считался самым глупым и самым сильным священником в епархии. Внешностью и манерами он напоминал мужика прямо от сохи; у него была огромная голова и жесткие волосы, спускавшиеся почти до бровей. Смуглая кожа отливала на лице синевой от тщательных усилий бритвы; мелкие, прекрасные зубы сверкали белизною каждый раз, каик он заливался своим идиотским смехом.

Когда священники садились за стол, в комнату вбежал впопыхах Либаниньо с мокрой лысиною.

– Ох, голубчики мои, извините, – затараторил он визгливым тоном: – я опоздал немножечко. В церкви Пресвятой Богородицы в Эрмиде отец Нуниш служил как раз обедню по заказу. Я зашел послушать. Так уже хорошо было...

Гертруда, старая, дородная прислуга аббата, принесла миску с куриным бульоном. Либаниньо стал вертеться вокруг неё с глупыми шуточками.

– Ах, Гертрудочка, жестокая женщина, какое счастье ты могла бы дать одному человеку! Старушка добродушно засмеялась, и её рыхлая грудь затряслась от смеха.

– Что же это за поклонник явился у меня на старости лет?

– Ах, голубушка, женщины хороши, как груши, только когда они созревают. Вот как нальются хорошенько, тут и наслаждаешься ими во-всю.

Священники захохотали и весело уселись за стол.

Обед был состряпан самим аббатом. Похвалы его искусству начались с первого же блюда.

– Замечательно вкусно, восхитительно, сеньор... Такой стряпни и в раю не найти. Удивительно, чудесно...

Добрый аббат даже краснел от удовольствия. Он был, по словам настоятеля – «божественным мастером своего дела», прочитал много книг по кулинарному искусству, постоянно изобретал новые кушанья и гордился тем, что «из его головы вышло немало вкусных вещей». Жизнь это протекала мирно и счастливо в обществе старой Гертруды, добродушной и болтливой женщины, и его единственной мечтою было страстное желание угостить как-нибудь обедом самого епископа.

– Кушайте пожалуйста, падре, – говорил он Амаро, передавая ему блюдо. – Я уже так старался... Не угодно-ли откусать гренокков под соусом? Не буду хвалиться, но соус, кажется, вышел у меня недурно сегодня.

* * *

Обед был действительно приготовлен так хорошо, что, по словам каноника Диаса, Даже Святой Антоний мог соблазниться им в пустыне. Все гости сбросили плащи и сидели в. одних рясах, медленно прожевывая пищу и почти не разговаривая. Полуденное солнце весело играло на пузатых стаканах со старым вином, посуде и блюдечках со свежими оливками, а славный

аббат внимательно резал на тонкие ломтики белую грудинку фаршированного каплуна, сияя от искреннего удовольствия.

Окна столовой выходили на двор. У самых подоконников, росли цветущие кусты камелий, за ними виднелось несколько яблонь на фоне голубого неба. Вдали слышался скрип нории.

Либаниньо ел за четверых, не переставая подшучивать над Гертрудой.

– Дай-ка мне блюдо с зеленью, цветочек мой прелестный. И не гляди на меня так, плутовка, ты губишь меня совсем.

– Экий болтун! – отвечала старуха весело. – Вы бы поухаживали за мною тридцать лет тому назад.

Священники давились от смеха. Две бутылки портвейна были уже выпиты, и отец Брито расстегнул рясу.

К двери, со стороны двора, подошел старый нищий, жалобно бормоча молитву. Гертруда, подала ему хлеба, и священники заговорили о том, что в окружающей местности появилось за последнее время очень много нищих и бродяг.

– Бедность большая, что уж и говорит! – говорил мягкосердечный аббат. – Голубчик Диас, скушайте еще кусочек, каплуна.

– Да, бедность здесь велика, но лень еще больше, – сухо возразил отец Натарио. – Я знаю, что во многих имениях нехватает работников; это не мешает, однако, здоровым и молодым парням бродить из деревни в деревню и просить милостыню. Все это мерзавцы и негодяи.

– Полно, полно, батюшка, – перебил его аббат. – В нашей местности действительно очень много бедноты. Я знаю семьи, где отец, мать и несколько человек детей спят на полу в повадку, как свиньи, и питаются одними овощами.

– А чем же им больше питаться, по твоему мнению? – воскликнул каноник Диас, обгладывая косточку жирного каплуна и обсасывая свои пальцы. – Не индейкой же? Как ты полагаешь? Каждый есть, как ему подобает по положению.

Аббат уселся поудобнее, поправил на животе салфетку и сказал тоном глубокого убеждения:

– Бедность угодна Господу Богу.

– Хорошо, когда находятся богатые люди, оставляющие наследство церкви на дела благочестия, – заметил отец Амаро с серьезным видом.

– Собственность должна непременно находиться в руках у церкви, – произнес Натарио авторитетным тоном.

Каноник Диас громко икнул и добавил:

– Да, ради блеска культа и укрепления веры.

– Но главная причина нужды это – страшная распущенность нравов, – сказал Натарио.

– Да, ужасная! – воскликнул аббат с отвращением. – В моем маленьком приходе в настоящее время не меньше двенадцати беременных девушек. И представьте себе, если я пробую делать им выговор, они хохочут мне прямо в глаза.

Отец Брито рассказал об одном ужасном случае в его приходе: несколько девушек семнадцати-восемнадцати лет забрались раз на сеновал и провели там ночь с целой компанией молодых парней.

– Я не знаю, что происходит в твоём приходе, Брито, – лукаво заметил Натарио, которому вино развязало язык: – но что бы там ни было, у них перед глазами живой пример. Говорят, что ты и жена мэра...

– Это ложь! – закричал Брито, краснея, как рак.

– Однако, Брито, однако, – заговорили все кругом.

– Это ложь, это ложь, – повторял он.

– Правду сказать, господа. – заметил каноник, понизив голос и лукаво подмигивая: – это очень симпатичная женщина. У Брито вкус недурен.

– Я знаю, кто распускает про меня эти слухи, – волновался Брито. – Это подлец – Кумиадский помещик. Он злится на меня за то, что тот не провел его в депутаты на последних выборах. Подождите, переломаю я ребра этому негодяю. – Глаза его налились кровью, и он повторял, потрясая кулаками: – Переломаю я ему ребра...

– Ну, полно. Нечего так волноваться, Брито, – успокаивал его Натарио.

Этот помещик в Кумиаде находился в то время в оппозиции и располагал на выборах двумястами голосов. Священники заговорили об избирательной кампании. Все они, кроме отца Амаро, умели, как выражался Натарио, «состряпать депутата». Каждый стал рассказывать о своих подвигах на этом поприще.

Отец Натарио сообщил, что доставил на последних выборах восемьдесят голосов кандидату правительства.

– Чорт возьми! – воскликнули остальные.

– И знаете каким путем? Я устроил чудо.

– Как так?

– Я уговорился с одним миссионером, и накануне выборов в нашем приходе были получены письма с неба за подписью Пресвятой Богородицы, в которых требовалось, под угрозой наказания свыше, голосовать за правительственного кандидата. Тонко задумано, неправда-ли?

– Гениально, – согласились все.

Один Амаро был поражен этим откровением.

– Исповедь – тоже прекрасное орудие в наших руках. – продолжал Натарио. – Фут мы действуем через женщин, но зато наверняка. Из исповеди можно извлекать огромную пользу.

– Но ведь исповедь – настолько серьезный акт, что, по-моему, она не должна служить делу выборов, – сказал Амаро тоном убеждения.

У отца Натарио, сильно разгоряченного от вина и обеда, вырвались неосторожные слова.

Неужели же вы принимаете исповедь в серьез, отец Амаро?

Эти слова вызвали всеобщее изумление.

– Как? Вы спрашиваете, принимаю ли я исповедь в серьез? – закричал Амаро, уставившись на него в ужасе.

– Что вы, Натарио? Что вы, побойтесь Бога! – накинулись на него остальные.

Натарио стал выпутываться из неловкого положения.

– Постойте, выслушайте меня. Я вовсе не хочу сказать, что исповедь – ерунда. Слава Богу, я не франкмасон. Смысл моих слов тот, что исповедь есть лишь средство знать, что происходит в приходе, и направлять стадо прихожан в ту или иную сторону. И раз это служить Богу, то это хорошее орудие... Вот что, значит, я хочу сказать: что исповедь – хорошее оружие в наших руках. Понимаете ли?

– Ну, нет, Натарио, ну, нет, что вы говорите, полно! – закричали священники.

Натарио рассердился.

– Так неужели вы хотите убедить меня в том, что мы действительно облечены от Бога властью отпускать грехи? – закричал он гневно.

– Конечно, безусловно!

– *Quorum remiseric peccata, remittuntur eis*, – сказал каноник Диас, уплетая бобы. – Такова формула. А формула это все мой дорогой.

– Исповедь, по-моему – самое существенное в нашей деятельности, – заявил Амаро тоном ученика. – Почитайте Святого Игнатия, почитайте Святого Фому.

– Хорошо, так я попрошу вас ответить мне на один вопрос, – закричал Натарио в бешенстве. – Вот вы, например, сытно позавтракали, напились кофе, выкурили сигару и уселись после этого исповедовать кого-нибудь. Ваши мысли заняты в это время семейными или денежными делами, у вас болит голова или живот... И вы воображаете, что можете отпускать грехи, как сам Бог?

Этот довод поразил всех присутствующих.

Каноник Диас положил вилку, поднял руки кверху и воскликнул с комичною торжественностью.

– Hereticus est! Он – еретик.

– Hereticus est! Это и мое мнение, – проговорил отец Амаро.

В это время Гертруда подала на стол блюдо сладкого рису.

– Ну, ну, довольно об этом, господа, – сказал осторожный аббат, пользуясь удобным случаем переменить разговор. – Попробуйте-ка лучше моего рису. Гертрудешка, дай сюда еще графинчик портвейна.

Но Натарио не мог успокоиться и продолжал убеждать Амаро в своей правоте.

– Отпускать грехи значит являть людям милость Божию. А это присуще лишь самому Богу...

– Я могу выставит против этого два возражения, – закричал Амаро, торжественно поднимая палец.

– Ну, ну, успокойтесь-же, господа, – уговаривал их аббат искренно огорченным тоном, – откушайте-ка лучше рису. Вот и винцо 1815 года. Такое не каждый день пьешь.

Гости полюбовались сверкавшим в хрустальных рюмках портвейном и уселись поудобнее в обитых кожей креслах. Начались тосты. Первый был провозглашен за аббата. Он пробормотал несколько слов благодарности и чуть не расплакался от удовольствия.

– За Его Святейшество папу Пия IX! – закричал Либаниньо, поднимая стакан. – За несчастного мученика.

Все вышли за Пия IX, чувствуя себя глубоко растроганными, Натарио смягчился, заговорил о своих «розочках» и стал цитировать Виргилия. Амаро откинулся назад в кресле, засунул руки в карманы и уставился машинальным взором на окна, мечтая об Амелии.

Аббат предложил перейти в беседку пить кофе.

Было три часа. Все пошатывались немного и икали, весело смеясь. Один Амаро держался на ногах вполне твердо, но и тот чувствовал себя настроенным очень нежно и сентиментально.

– А теперь, господа, – предложил аббат, допив последнюю каплю кофе: – не прогуляться-ли нам в мое именье?

– Ладно, пойдемте, для пищеварения, – пробормотал каноник, с трудом поднимаясь со стула. – Посмотрим имение аббата.

Они пошли по узкой проезжей дороге. День был ясный, и солнце приятно грело. Дорога вилась лентой между живыми изгородями, среди широких полей. Местами попадались группы оливковых деревьев; вдали, на горизонте, тянулась цепь холмов, поросших темно-зеленым сосновым лесом. Кругом стояла полная тишина. Только вдали, на большой дороге, слышался временами скрип телети. Священники шли медленно, слегка пошатываясь, перебрасывались шуточками и находили, что жизнь – очень, хорошая вещь.

Каноник взял под руку аббата; Брито шел рядом с Амаро и клялся, что он, избьет до крови Кумиадского помещика.

– Полно, успокойтесь, Брито, не надо так волноваться из-за пустяков, – уговаривал Амаро, попыхивая сигарою.

Отец Натарио шел впереди всех, неся на руке волочившийся по пыли плащ. Ряса его была расстегнута, из-под неё виднелся грязный жилет. Ноги в дырявых чулках частенько подкашивались, заставляя священника шататься из стороны в сторону.

Внезапно все остановились. Натарио ругался, не помня себя от бешенства.

– Осел, не видишь ты, что-ли, куда прешь? Животное!

Оказалось, что он натолкнулся у поворота дороги на старика, ведшего овцу, и чуть не свалился в пьяном виде.

– Простите, падре, Бога ради, – робко взмолился старик.

– Животное, одно слово животное! – ревел Нотарио, потрясая кулаками. – Учить надо таких негодяев.

Старик бормотал слова извинения и почтительно снял шляпу. У него были совсем седые волосы. Судя по внешности, это был работник, состарившийся на тяжелой полевой работе. Он склонился, покраснев от стыда, и прижался к изгороди, чтобы пропустить по узкой дороге веселых и подвыпивших служителей, церкви.

* * *

Амаро не пожелал идти с коллегами в усадьбу аббата. В конце деревни он распрощался с ними и повернул назад в сторону Лерии.

Дорога шла вдоль каменной ограды какой-то усадьбы. У ворот, посреди дороги, стояла бурая корова. Амаро захотелось подурочиться, и он ткнул ее зонтиком в бок. Она медленно сошла с места, и Амаро, обернувшись, увидел у ворот, к своему великому удивлению, весело смеющуюся Амелию.

– Что это вы пугаете мне скот, падре?

– Амелия! Каким чудом очутились вы здесь?

Она покраснела слегка.

– Я приехала с доною Мариєю. Надо взглянуть на овощи.

Около Амелии стояла девушка, укладывавшая в большую корзину кочни капусты.

– Значит, это усадьба доны Марии?

Амаро вошел в сад. От ворот тянулась тенистая аллея из старых пробковых деревьев. В конце её виднелся белеющий на солнце дом.

– Да. А рядом наша усадьба. Но вход тоже отсюда. Ступай теперь, Жоанна.

Девушка подняла корзину на голову, попрощалась и пошла по дороге.

– Гм... гм... кажется, это недурное имение, – заметил священник.

– Пойдемте посмотрим наши владения, – сказала Амелия. – Это маленький клочок земли, но взглянуть стоит. Зайдемте только сперва поздороваться с доною Мариєю.

– Хорошо, пойдемте.

Они отправились, молча, по аллее.

Земля была усеяна сухими листьями. Между старыми стволами росли кусты гортензий, печально поникших под частыми дождями. Аллея замыкалась старым, неуклюжим, одноэтажным домом.

Мимо них прошел молодой работник с ведром.

– Где барыня, Жоан? – спросила Амелия.

– Она в оливковой роще, – ответил тот вяло.

Оливковая роща находилась далеко, на другом конце усадьбы. Туда нельзя было пройти иначе, как в галошах, потому что дорога была сырая и грязная.

– Вы перепачкаете сапоги, падре, если пойдете. Лучше отправитесь к нам. Пожалуйста сюда...

Они остановились у старой, поросшей вьющимися растениями ограды. Амелия открыла небольшую зеленую калитку, и они спустились по трем каменным ступенькам на дорожку, шедшую вдоль стены. С одной стороны её росли розовые кусты, цветущие круглый год.

Амелия останавливалась на каждом шагу, поясняя, где что будут сеять. Амаро слушал, поглядывая на нее искоса. Голос девушки казался ему в деревенской тишине еще нежнее и приятнее, щеки её разгорелись на свежем воздухе, глаза, заблестели ярче обыкновенного.

В конце дорожки начиналась их усадьба. Но калитка была заперта.

– Верно работник унес ключ с собою?

Она перегнулась через калитку и закричала громко:

– Антонио, Антонио...

Но никто не откликался на её зов.

– Он ушел должно быть в конец, – сказала она с досадою. – Но здесь по близости можно пролезть через изгородь. В детстве я никогда не пользовалась калиткою, а лазила всегда тут.

Амаро улыбался. Ему было трудно говорить. Вино аббата разгорячило его, а присутствие Амелии разжигало в нем страстное желание обладать ею.

– Вот это место, – сказала Амелия, останавливаясь. – Лезьте вперед.

– Ладно.

Он подобрал рясу, пролез в отверстие и соскочил вниз на лужайку, но поскользнулся в сырой траве и упал. Амелия захлопала в ладоши, весело смеясь.

– А теперь прощайте, падре, я пойду к доне Марии. Вам не выбраться оттуда. Калитка заперта, а через изгородь вам не пролезть обратно – слишком высоко. Теперь вы пойманы...

– Ах, вы насмешница!

Она не переставала хохотать, поддразнивая его. Священник был очень возбужден.

– Прыгайте ко мне, – сказал он хриплым голосом.

Она сделала вид, будто ей страшно.

– Прыгайте скорее.

– Ладно, – крикнула она вдруг, соскочила сверху и упала ему на грудь, вскрикнув слегка. Амаро пошатнулся, но удержал ее, крепко прижал к своей груди и быстро поцеловал в шею.

Амелия высвободилась из его объятий, задыхаясь и густо покраснев, но не убежала, а стала поправлять на себе дрожащими руками волосы и платье.

– Амелия, дорогая!.. – сказал Амаро.

Тогда она приподняла юбку и побежала вдоль изгороди. Амаро пошел за ней следом, стараясь догнать. Но когда он добрался до калитки, Амелия разговаривала с работником, принесшим ключ.

– Антонио, – сказала она, – проводите падре к воротам. Прощайте, падре.

И она убежала по мокрой траве в оливковую рощу к доне Марии. Та сидела на большом камне, наблюдая за работой поденщиц, сбивавших с деревьев оливки.

– Что с тобою, голубушка? Откуда ты прибежала? Ты, кажется, с ума спятила?

– Я просто запыхалась, – ответила она, вся покрасневшись, и села рядом со старухой. Грудь её тяжело вздымалась, губы были полуоткрыты, глаза устремлены в одну точку. В голове вертелась одна неотвязная, радостная мысль:

– Он любит меня, он любить меня...

VIII

Отец Амаро вернулся домой в ужасном состоянии.

– Что мне делать теперь? – спрашивал он себя, и сердце его сжималось от волнения.

Надо было прежде всего уехать от сеньоры Жоанны на другую квартиру. Нельзя было оставаться жить под одною крышею с девушкой, после того, что случилось.

Он видел, правда, что Амелия не рассердилась на него. Может быть, она сдержала свой гнев из уважения к его сану или из внимания к нему, как к другу каноника. Но она могла, рассказать все матери или Жоану Эдуардо. Какой ужас! Это пахло большим скандалом, может быть даже переводом в деревенский приход. Что сказала бы графиня де-Рибамар?

Амаро решил переговорить с каноником Диас. При своем слабом характере он чувствовал во всех трудных случаях потребность обратиться за помощью к чужой воле. Кроме того, ему было бы трудно найти себе квартиру и прислугу без содействия каноника, знавшего Лерию, как свои пять пальцев.

Придя к Диасу, он застал его в столовой. Старик сидел у стола в покойном кресле с молитвенником на коленях и дремал. Услышав шаги Амаро, он лениво приоткрыл, глаза и пробормотал:

– Я, кажется, заснул слегка.

– Я зашел к вам по делу... – начал Амаро.

– А славным обедом угостил нас аббат, – перебил его каноник и забарабанил пальцами по молитвеннику.

– Знаете, отец-наставник, – сказал Амаро и чуть было не добавил: – со мною случилось нечто ужасное, – по удержался и сказал вместо этого: – сегодня я чувствую себя прекрасно, но последнее время мне все что-то нездоровилось...

– Вы действительно бледноваты, голубчик, – ответил каноник, пристально разглядывая его. – Примите-ка разок слабительного.

Амаро помолчал несколько времени, уставившись на слабое пламя лампы.

– Знаете, я собираюсь переменить квартиру.

Каноник поднял голову и поглядел на него та недоумении.

– Переменить квартиру? А почему?

Отец Амаро подвинул свой стул ближе к канонику и заговорил тихим голосом:

– Видите ли, мне приходится в голову, что неловко жить в доме, где есть молодая девушка...

– Что за ерунда! Вы – жилец и живете, как в гостинице. Не говорите глупостей.

– Нет, нет, отец-наставник, поверьте, что я прав...

И он вздохнул. Ему хотелось, чтобы каноник вызвал его на откровенность.

Тот поглядел на него пристально.

– Скажите откровенно – вы находите плату слишком высокой?

– Нет, – возразил Амаро нетерпеливо.

– Так в чем же дело? Должна же быть какая-нибудь причина для этого. Мне кажется, что лучше такого дома трудно найти.

– Конечно, конечно, – согласился Амаро, возбужденно шагая по комнате. – Но мне неловко оставаться. Не поможете ли вы мне найти недорогую, скромно меблированную квартиру? Вы лучше меня знаете толк в таких делах.

Каноник помолчал, медленно поглаживая подбородок.

– Гм... недорогую квартирку... – проворчал он, наконец. – Что же, надо будет подумать... Может быть, оно и, правда, лучше.

– Понимаете ли вы? – начал было Амаро, наклоняясь к канонику. – Дом сеньоры Жоанны...

Но в это время отворилась дверь, и в комнату вошла донна Жозефа. Начался общий разговор об обеде у аббата, о болезни полного каноника Саншиша, и в результате Амаро ушел от Диаса даже довольный, что он «не открылся ему».

Каноник остался сидеть у стола. Решение Амаро уехать от сеньоры Жоаннеры было в сущности даже приятно старику. Устроив молодого священника на квартире на улице Милосердия, он уговорился с хозяйкою, что перестанет давать ей обычную сумму, которую он аккуратно приносил ей в конце каждого месяца в течение нескольких лет. Но он скоро пожалел об этом поступке. Когда не было жильцов, сеньора Жоаннера спала одна в первом этаже, и каноник мог спокойно наслаждаться ласками своей старой подруги. С приезда же Амаро сеньора Жоаннера перешла спать наверх рядом с комнатою дочери, и каноник сразу понял все неудобство этой перемены. Приходилось выбирать время, когда Амелия обедает где-нибудь в гостях, а прислуга уходит за водою. В результате важный каноник, сделавшийся на старости лет порядочным эгоистом, был лишен правильного гигиенического удовлетворения своих потребностей и попал в положение школьника, который любит учительницу. Если бы Амаро уехал теперь, сеньора Жоаннера перешла бы снова спать вниз, и каноник получил бы возможность наслаждаться прежними удобствами. Правда, пришлось бы опять давать некоторую сумму на хозяйство, но ничего не поделать! Лучше уж давать деньги, чем терпеть неудобство.

– По крайней мере буду жить всласть, – закончил он вслух свои размышления.

– О чем это вы разговариваете сами с собой, братец? – спросила донна Жозефа, начавшая дремать в кресле рядом с ним.

– Я обдумывал, как мне обуздать плоть во время поста. – ответил он, смеясь густым басом.

* * *

Амаро был уже дома в это время и шел наверх пить чай, ожидая увидеть в столовой грозно настроенную сеньору Жоаннеру. Но он застал за чаем одну Амелию; услышав его шаги на лестнице, она быстро схватила работу и склонилась над шитьем, вся красная, как рак.

– Добрый вечер, Амелия!

– Добрый вечер, – ответила она сухо.

Её тон поразил священника.

– Амелия, – сказал он тоном мольбы, – прошу вас, простите меня. Я совсем забылся. Я сам не понимаю, что делаю. Но поверьте, я решил исправить это и попросил уже сеньора каноника найти мне другую квартиру.

Он говорил с опущенным лицом и не мог видеть, как Амелия подняла на него глаза, полные удивления и отчаяния. Но в этот момент в комнату вошла сеньора Жоаннера и закричала при виде его:

– Я уже знаю, я уже знаю все. Отец Натарио рассказал мне, каким чудным обедом вас накормили. Ну-ка, расскажите еще раз все по порядку.

Амаро пришлось подробно описать все блюда и повторить дословно все разговоры. Потом стали говорить об имении, и священник спустился к себе, не решившись сказать хозяйке, что он уезжает от неё.

На следующее утро каноник явился к Амаро рано утром. Тот сидел у окна и брился.

– Знаете, я, кажется, нашел для вас квартирку. Недалеко от меня есть домик маиора Нуниша. Его переводят в другой город.

Эта поспешность неприятно, поразила Амаро.

– Это меблированная квартира? – спросил он с огорчением в голосе.

– Да, меблированная, и с посудой, и с постельным,= бельем.

– Как же мне быть?

– Как же быть? Переехать поскорее. И я должен признать, Амаро, что вы нравы. Я тоже пришел к убеждению, что вам следует жить одному. Одевайтесь скорее и пойдёте посмотреть квартиру.

Домик находился на улице Созас. Это было старое одноэтажное здание с покривившимися полами и выбитыми стеклами в нескольких окнах. Мебель в квартире была самая допотопная. Тем не менее Амаро согласился переехать. Каноник достал ему в тот же день прислугу, бывшую кухарку адвоката Годиньо, очень набожную и тихую женщину. Она была сестрою знаменитой Дионизии, которая славилась в Лерии тем, что была прежде любовницею всех важных лиц в городе и причинила немало горя многим женам и мамашам. Теперь она уже состарилась, открыла прачешное заведение, брала вещи в заклад и занималась акушерством и сводничеством.

Каноник сообщил сеньоре Жоаннере о решении Амаро в этот же день. Она очень удивилась и назвала священника неблагодарным, но каноник успокоил ее, объяснив, почему это удобнее, и обещав снова давать ей на хозяйство.

Амаро уложил свои вещи, печально оглядывая комнаты, мягкую постель, столик с белой салфеткою, большое кресло., в котором он сидел так часто, читая молитвенник и прислушиваясь к пению Амелии наверху.

– Кончено, кончено все, – думал он с отчаянием, возмущаясь своим поспешным решением. Ему было ясно, что Амелия любила его и никому ничего не сказала. К чему же было затевать переезд на другую квартиру?

Обед прошел очень печально. Амелия жаловалась на головную боль, чтобы объяснить как-нибудь свою бледность. Каноник, встал и сказал, что проводит Амаро на новую квартиру.

Священник подошел к хозяйке.

– Благодарю вас, сеньора, я крайне признателен вам за все. Поверьте, что...

Но волнение сдавливало ему горло. Сеньора Жоаннера поднесла белый передник к глазам.

– Полно, полно, сеньора, – добродушно засмеялся каноник: – ведь падре не в Индию уезжает.

– Тяжело расставаться с друзьями, – всхлипывала сеньора Жоаннера.

Амаро попробовал было шутить, но это плохо удалось ему. Амелия была бледна, как полотно, и кусала губы от волнения.

Наконец, Амаро ушел. Жоан Русо, принесший ему чемодан на улицу Милосердия, когда он приехал в Лерию, понес его теперь на улицу Созас, подвыпивши, как и в первый раз.

* * *

Очутившись вечером один на новой, мрачной квартире, Амаро впал в черную меланхолию. Он оглядывался в комнате, и взор его с отвращением останавливался на маленькой железной кровати с жестким матрасом, на мутном зеркале, на умывальной чашке с кувшином, стоявших прямо на подоконнике, так как в комнате не было умывальника. Все кругом было пропитано сыростью и покрыто плесенью. На темной улице шел мелкий, непрерывный дождь. Боже, что за жизнь!

Его гнев обрушился тогда на Амелию. Она была виновата в том, что он лишился удобств, очутился в одиночестве, должен был платить дороже за такую гадость. Если бы у неё было сердце, она пришла бы к нему в комнату и сказала: – Отец Амаро, почему вы уезжаете? Я не сержусь, оставайтесь. – Она ведь возбудила в нем желание своими нежными взорами и чрезмерной любезностью. Так нет, она не сказала ему теперь ни слова, а предоставила улечься и уйти.

Он поклялся не ходить больше к сеньоре Жоаннере и стал обдумывать способ унижить и наказать Амелию. Но как? Надо было укрепить свое положение в высшем набожном обществе Лерии, сойтись поближе с настоятелем собора, отвлечь от улицы Милосердия каноника и сестер Гансозо, дать понять дамам хорошего круга, что сеньора Жоаннера – проститутка, забросать мать и дочь грязью... Амаро возненавидел весь светский мир за то, что многие преимущества и наслаждения этого мира были недоступны ему. Ненависть ко всему мирскому побуждала его увлекаться мечтами о своем духовном превосходстве над людьми. Жалкий чиновник Жоан Эдуардо мог жениться на Амелии, но что представлял он собой в сравнении со священником, облеченным властью от Бога награждать людей райским счастьем или карать их муками ада? Это сознание наполняло душу Амаро гордостью. Он жалел только о том, что лучшие времена церкви прошли, и она не располагает больше кострами инквизиции, тюрьмами и палачами.

Жизнь Амаро потекла очень однообразно. На улице было холодно и сыро. Отслужив утром обедню, он возвращался домой, снимал грязные сапоги, надевал мягкие туфли и начинал скучать. В три часа ему подавали обед, и он ни разу не поднял с миски разбитую крышку без того, чтобы не вспомнить веселых обедов на улице Милосердия. Прислуга Висенсия была больше похожа на солдата, в юбке, чем на женщину, и постоянно сморкалась в передник. Притом она была очень неопрятна и часто подавала грязную посуду. Амаро был так мрачно настроен, что не жаловался ни на что, ел всегда на-спех и сидел часто часами один, покуривая сигару и отчаянно скучая.

По вечерам ему бывало всегда особенно тяжело. Он попробовал было читать, но книги скоро надоедали ему; отвыкнув от чтения, он часто даже не понимал смысла книги. Стоять у окна и глядеть на темную ночь было тоже скучно. Он ходил по комнате, заложив руки за спину, и ложился спать, не помолившись. Ему казалось, что отказавшись от Амелии, он принес огромную жертву и мог не утруждать себя молитвою.

Каноник никогда не заходил к нему, уверяя, что «у него начинает болеть живот, как только он попадает в такой мрачный дом». Амаро дулся, страдал, но не шел ни к Диасу, ни к сеньоре Жоаннере.

* * *

Сердце Амелии начинало сильно биться каждый раз, как она слышала звонок у двери. Но на лестнице скрипели сапоги Жоана Эдуардо, или шлепали галоши старых богомолок. Она закрывала глаза в немом отчаянии, обманувшись в своих ожиданиях. Иной раз, часов в десять, когда ей становилось ясно, что Амаро не придет, рыдания сдавливали ей горло, и ей становилось так тяжело, что она уходила к себе, жалуясь на головную боль.

Первые дни после его переезда на новую квартиру дом показался ей пустым и зловеще-мрачным. Она в бешенстве прижала к груди полотенце, которым Амаро вытер руки в последний раз перед уходом, и прильнула губами к подушке на его кровати. Днем она постоянно видела перед собою его лицо, ночью он являлся ей во сне. Любовь к священнику разгоралась в ней все сильнее и сильнее, несмотря на разлуку с ним.

Однажды вечером она отправилась навестить родственницу, служившую сиделкою в больнице. Дойдя до моста, она увидела кучку народа, собравшагoся вокруг растрепанной девушки в ярко-красном платье, ругавшей на чем свет стоит какого-то солдата.

– Что тут случилось? – спросила Амелия, узнав в толпе одного знакомого торговца.

– Ничего, барышня. Солдат швырнул девчонке дохлую крысу в лицо, а она подняла целый скандал. Просто гуляющая девка.

Амелия взглядела поближе в лицо скандалистки и узнала в ней свою подругу детства Жоанну Гомиш. Она сошлась со священником Абилио; его перевели в худший приход, а она

уехала в Опорто, стала вести распутную жизнь, впала в нужду и, вернувшись в Лерию, поселилась около казарм.

Эта случайная встреча произвела на Амелию очень глубокое впечатление. Она тоже любила священника и плакала от разлуки с ним. Куда могла привести ее эта любовь? К судьбе Жоанны. Она живо представила себе, как, на нее будут показывать пальцами, как отец Амаро бросит ее, да еще, пожалуй, не одну, а с ребенком и без куска хлеба. Эта встреча подействовала на нее очень благотворно; она решилась воспользоваться разлукою и постараться забыть Амаро, а также поторопить свадьбу с Жоаном Эдуардо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.